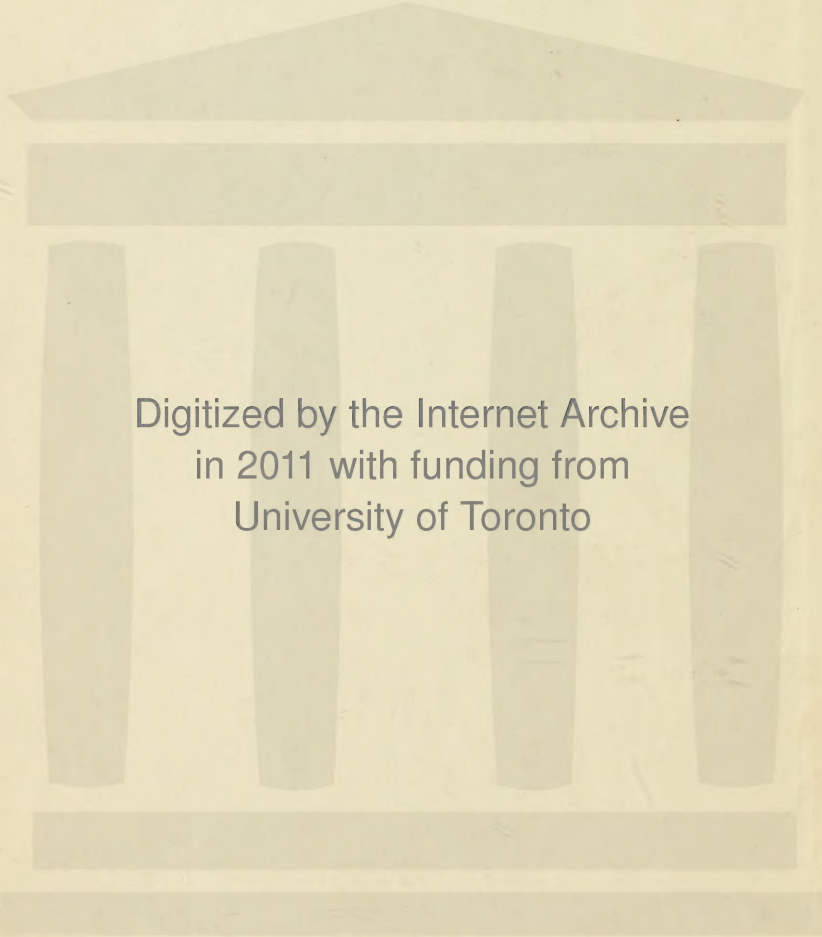

3 1761 08820983 8

Digitized by the Internet Archive
in 2011 with funding from
University of Toronto

12
20

LR.
P8592be

Potapenko, Ignaty Nikolaevich

ИЗВѢСТНЫЕ РУССКІЕ ПИСАТЕЛИ.

ИЗБРАННЫЯ

Izbrannuiya sochineniya
СОЧИНЕНІЯ.

(Potapenko, I. N.)
Bez nutra

И. Н. ПОТАПЕНКО:

БЕЗЪ НУТРА. Bez nutra
НОВЫЙ РАЗСКАЗЪ.

(Amfiteatrov, A. V.)
Petaburg ...

7900
А. В. АМФИТЕАТРОВЪ:

ПЕТЕРБУРГЪ НА ЛѢТНЕМЪ
ПОЛОЖЕНІИ.

Мораль-шаржъ въ 1 дѣйстви.

СКАЗКА.

491342

9. 5. 49

1913 г.

ИЗДАНИЕ РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА
„ПРОБУЖДЕНИЕ“.

Тип. „Т-ва Художеств. Печати“, Спб., Ивановская, 14.

И. Н. ПОТАПЕНКО.

БЕЗЪ НУТРА.

• □ •

НОВЫЙ РАЗСКАЗЪ.

I

Еще во второмъ классѣ гимназiи Максюша Буграстовъ—тогда онъ былъ маленькій, кругленькій, слегка пузатенькій, съ жерными, отдувшимися румяными щечками и блѣдно-зелеными глазками—обнаружилъ свое призванiе—всегда быть при комъ-нибудь.

Есть такiе цвѣты и травы, они могутъ расти только тамъ, гдѣ водятся другiя известныя растенiя. Но у нихъ есть постоянство, они всегда состоятъ при однихъ и тѣхъ же растенiяхъ, а Максюша Буграстовъ этими качествами не обладалъ.

Напретивъ, тогда, по крайней мѣрѣ, во второмъ классѣ, когда его называли «карапузикомъ», онъ проявлялъ какую-то странную нервную переменчивость, какъ будто бы боялся упустить тамъ и здѣсь, и не сдѣлать какой-нибудь ошибки.

Онъ былъ происхожденiя благороднаго, по крайней мѣрѣ, такъ надо было заключать изъ его словъ. Постоянно на языкѣ его были: «мой дядя—князь такой-то», «мой крестный—графъ», «моя двоюродная тетунка—баронесса»...

Самъ онъ не былъ ни князь, ни графъ, ни баронъ, а просто Максюша Буграстовъ, но, повидному, уже и тогда понималъ цѣнность титуловъ.

Отца у него не было, и чѣмъ онъ былъ въ дни своего существованiя, никто не зналъ. А мать жила гдѣ-то въ богатомъ и титулованномъ домѣ, въ качествѣ компаньонки.

Но, кажется, дѣйствительно, по рожденiю онъ, если и не принадлежалъ, то былъ близокъ къ знатному кругу, но, очевидно, отецъ его не сумѣлъ удержаться тамъ и извлечь изъ этого надлежанiя выгоды для себя и для него, и умеръ, не оставивъ ему ни денегъ, ни хорошаго покровительства. И о немъ некому было заботиться, кромѣ матери, которая ради него унизилась и пошла въ компаньонки, гдѣ зарабатывала нѣсколько десятковъ рублей въ мѣсяцъ, которые всѣ отдавала на его обученiе.

Нарѣдка мы ее видѣли въ гимназiи, когда она навѣщала сына, жившаго въ пансионѣ. Высокая худощавая женщина съ блѣднымъ лицомъ, очень серьезнымъ, но не строгимъ, скорѣе привѣтливымъ, всегда одѣтая въ черное.

На Максюшу она смотрѣла съ нѣжностью, и онъ при ней какъ-то странно мѣнялся и изъ шустрого, всегда хлопочущаго о своемъ преимуществѣ и пользѣ и даже довольно хищнаго мальчика превращался въ нѣжнаго и милаго. Онъ понималъ, что она жертвуетъ для него своей гордостью и это его умиляло.

Въ классѣ было нѣсколько привилегированныхъ учениковъ, но все по разнымъ основанiямъ. Одинъ, по фамилiи Скулатовъ, былъ вялый и туповатый мальчикъ, никогда ничего не знавшiй изъ наукъ и даже не хотѣвшiй знать, но зато онъ былъ племянникъ директора, и учителя ставили ему тройки, такъ, на вѣру, всячески избѣгая спрашивать его. Другой, Рыбицкiй, былъ богатъ. Къ нему часто прiѣзжали родные изъ деревни, привозили дѣльные мѣшки превкусной провизiи и оставляли столько денегъ, что даже нельзя и приду-

мать, куда могъ дѣвать ихъ одиннадцатилѣтній мальчуганъ.

У него всегда водились золотые и кредитки и онъ, будучи отъ природы добросердечнымъ мямлей, глупѣйшимъ образомъ раздавалъ ихъ товарищамъ или тратилъ на сласти, покупая ихъ цѣлыми пакетами.

Особое мѣсто занималъ въ классѣ вѣчный, несмѣняемый и потомъ, въ теченіе всего курса, первый ученикъ Живинъ, всегда все знавшій, заблаговременно дѣлавшій всѣ переводы и зубрившій стихи.

И, наконецъ, Ляпуновъ, способный, но лѣтній, застѣпшій на второй годъ въ классѣ, не по возрасту рослый, мускулистый, сильный и безопасный по отношенію къ тѣмъ, кого считалъ справедливымъ поколотить.

Вотъ между этими четырьмя и колебался постоянно Максюша Буграстовъ. Самъ онъ во всѣхъ отношеніяхъ былъ средній—по способностямъ, по усердію, по здоровью и даже по поведенію, такъ какъ любилъ, какъ и другіе, пошалить, но изъ боязни получить четверку въ поведеніи и этимъ огорчить свою мать, часто отказывалъ себя въ этомъ.

Выдавался онъ только дѣтской дальновидностью и предусмотрительностью, правда, чисто шкурнаго характера. Безпокойный маленькій эгоистъ, постоянно боявшійся, какъ бы чего не упустить и какъ бы не повредить себѣ.

Онъ всегда нуждался въ покровительствѣ и не зналъ, кому изъ четырехъ вѣрить свою особу. Отсюда и происходило его непостоянство, то онъ прилѣпится къ представителю мускульной силы, Ляпунову, всюду ходить за нимъ, старается услужить и угодить ему, а тотъ за это раздаетъ тумаки всякому, кто только вздумаетъ задирать Максюшу.

То присосѣдятся къ всезнающему и всеисправному Живину и пользуется рѣшенными имъ задачами и готовыми переводами. Смотришь, въ этотъ періодъ у него отмѣтки поправились—тутъ схватилъ четверку, а тамъ даже фукомъ досталась ему вѣдая пятерка. А это отразится и на годовой отмѣткѣ.

Но безпокойство вѣчно томилло Максюшу Буграстова. Вѣдь вотъ какъ разъ Рыбицкому прислали изъ деревни мѣшокъ какихъ-то превосходныхъ сдобныхъ кор-

жировъ и цѣлый ящикъ копченыхъ гусей и утокъ, да, кромѣ того, въ карманѣ у него звенятъ маленькіе золотенькіе.

Это его беспокоило, онъ сильно кусалъ свои толстыя губы и грызъ ногти. Но не выдержалъ и скоро рѣшился измѣнить Живину и вотъ уже ухаживаетъ за Рыбичкинымъ, состоитъ при немъ и при его сундукахъ, и съ жадностью грызетъ вкусныя коржикки, поѣдаетъ копченыхъ птицъ, а также получаетъ подачки и деньгами.

Но и Скулатовъ тоже можетъ иногда пригодиться—вѣдь онъ часто бываетъ у директора, своего дяди, и, какъ говорятъ, дѣлаетъ тамъ маленькіе невинные доносы на своихъ товарищей. А тутъ какъ разъ въ классѣ очень напалели, разбили стекла въ окна и заняли всю кафедру чернилами. Предстоитъ строгое расслѣдованіе, а у Максюши рыльце въ пуху.

И вотъ мы уже видимъ Максюшу ходящимъ подъ ручку съ вялымъ и безцвѣтнымъ Скулатовымъ, который, значить, его уже не выдастъ.

Таковъ онъ былъ въ низшихъ классахъ. Всегда чувствовалъ свою убогость и

пассивно держался кого-нибудь, тѣмъ или другимъ сильнымъ.

Но съ возрастомъ и переходомъ въ высшіе классы въ немъ крѣпли сознательность и постоянство. Почему-то вспоминается онъ семиклассникомъ.

Совсѣмъ не похожъ на былого «каранутика», окончательно видоизмѣнился. Ростомъ вышло его далеко за два аршина, всѣ округлости пропали. Теперь онъ напоминалъ свою мать, и это становилось особенно ясно, когда она посѣщала его.

А она по-прежнему тянула лямку компаньонки въ родовитомъ домѣ, гдѣ ее знали въ лучшія времена.

Она какъ-то окаменѣла въ своемъ печальномъ величій и, кажется, совсѣмъ не мѣнялась, все такая же высокая, тонкая, съ блѣднымъ лицомъ, страшно суровымъ и въ то же время мягкимъ и привѣтливымъ.

Максимила же сталъ не только благообразнѣе, а даже красивѣе. Откуда-то у него взялись элегантныя манеры, сдержанно-увѣренная походка, красивый голосъ, изъ дѣтскаго перешедшій въ мягкій баритонъ.

Соотвѣтственно съ этимъ кристаллизовалось и его основное качество—быть при

комъ-нибудь. Онъ разъ навсегда опредѣлилъ свое мѣсто и держался его крѣпко. Вотъ уже съ пятого класса онъ сосредоточился при Рыбницкомъ.

Дѣло въ томъ, что, придя въ сознательный возрастъ, Максюша перестала ослѣпить и исправно выучивала уроки, дѣлала задачи и переводы и больше не нуждался въ покровительствѣ Живина.

Скулатовъ теперь совсѣмъ не существовалъ. Директора перевели въ другую гимназію и онъ перебрался туда вмѣстѣ съ нимъ. А мускульная сила Линукова была совершенно ни на что непригодна, такъ какъ споры между взрослыми гимназистами больше уже не разрешались кулакомъ. Рыбницкій же оказался не только богатъ, но и со связями.

Максюша же съѣздивъ къ нему въ деревню, провелъ тамъ цѣлое лѣто и перезнакомился съ его родными, которые кой-что значили и въ Петербургѣ.

По отношенію къ Рыбницкому снѣ вѣлъ себя съ достоинствомъ, не работничествовалъ, не унижался, денегъ зря не бралъ, а если и приходилось, то считалось «взаимы».

Это въ классѣ. Но, кромѣ того, онъ со-

стать еще и при инспекторѣ. Не въ качествѣ доносчика, Боже сохрани. Максюша былъ хорошии товарищъ, и можно было поручиться, что онъ никого не выдастъ.

Но у него оказались незамѣнимые таланты. Во всѣхъ случаяхъ, когда требовалась какая-нибудь организація, инспекторъ—человѣкъ толстый, тяжеловѣсный и мало подвижный, а потому и не злой—всегда полагался на Максюшу Буграстова.

Въ гимназiи какъ-то устраивался балъ. Максюша былъ распорядителемъ и отлично все устраивалъ. Потомъ затѣяли скучнѣйшiй спектакль изъ какихъ-то заплѣснѣвалыхъ, якобы классическихъ пьесъ, причеиъ всѣ роли мужскiя и женскiя играли гимназисты, а ставилъ учитель греческаго языка.

Максюша и тутъ въ сущности былъ все: и режиссеръ, и танцмейстеръ, и дирижеръ, и суфлеръ. Онъ вѣдь понималъ и въ танцахъ, и въ музыкѣ, и даже въ живописи,—всего понемногу.

Приѣхавъ въ городъ какое-то высокопоставленное лицо, и гимназисты должны

были пшалерой стоять около вокзала, а загѣмъ шагать попарно въ процессіи.

Надзиратели сразу же растерялись и напутали. Максюша же безъ всякаго волненія, съ достоинствомъ принялъ бразды и все привелъ въ порядокъ. Высокопоставленное лицо даже благодарило директора за выправку и дисциплину гимназистовъ.

Мнѣ рѣшительно нравилось въ Максюшѣ Буграстовѣ его умѣнье въ сущности услуживать тамъ, гдѣ это для него могло быть полезно, съ величайшимъ достоинствомъ. У него былъ такой видъ, словно онъ дѣлаетъ одолженіе. Даже какъ-то свысока. Не было въ этомъ ничего некрасиваго.

Но зато въ гимназіи ужъ онъ стоялъ виѣ всякой возможности какихъ бы то ни было непріятныхъ случайностей. Что бы ни произошло въ гимназіи—бываютъ, вѣдь, иногда совершенно неожиданныя катастрофы, когда вдругъ десятокъ человекъ подлежатъ исключенію или въ лучшемъ случаѣ многодневному карцеру—Максюшѣ Буграстова оно не касалось. Пройдетъ мимо и не задѣнетъ. Такое положеніе.

Онъ былъ популяренъ своею полезностью и постоянной готовностью быть полезнымъ.

Нельзя было также представить себѣ, чтобы самый заядлый любитель рѣзать на экзаменахъ учениковъ срѣзалъ Максиму Бутрастова. Какъ-то на него ни у кого рука не подымалась. И даже когда онъ дѣйствительно не зналъ, ему по привычкѣ ставили четверку.

И когда въ этомъ году мать посѣщала его, можно было видѣть, что къ прежней нежности въ глазахъ ея прибавилась еще гордость. Она теперь видѣла, что не напрасно жертвовала всемъ для Максими. Было очевидно, что изъ него выйдетъ человекъ.

II.

Въ университетѣ онъ тоже занялъ особое положеніе.

По всей своей душевной складкѣ, по взглядамъ, какіе ему старалась внушить мать, а главное, по практическимъ соображеніямъ, онъ тянулся къ группѣ богатыхъ и вліятельныхъ лѣвитявъ, которыя въ университетѣ заѣзжали на рысакахъ, да и то лишь для того, чтобы встрѣтиться съ кѣмъ-нибудь изъ товарищей, а ночи проводили за виномъ, въ обществѣ веселыхъ женщинъ.

Рыбицкій, съ которымъ Максина неизменно продолжалъ дружбу, въ этой группѣ быть, можетъ быть, и не самый богатый, но зато самый тароватый.

И Максина со всѣми ими была знакома и близка, со многими на ты, бывала у нихъ въ домахъ, водилась съ ихъ род-

ыми, но въ то время, какъ они преже-
брежительно относились къ студенческой
бѣдотѣ и почти ни съ кѣмъ изъ ея
среды не были знакомы, Максюша умѣлъ
соединить въ своемъ сердцѣ пріятельство
съ обоими кругами.

И тамъ, и здѣсь у него были прекрасныя
отношенія, и тамъ, и здѣсь онъ считался
хорошимъ товарищемъ и такъ же по това-
рищески говорилъ ты худо одѣтымъ сту-
дентамъ, какъ и тѣмъ, что ѣздили въ
своихъ экипажахъ.

Другому, пожалуй, подобной поклади-
стости и двойственности не простили бы,
но Максюша умѣлъ это дѣлать и ему это
терпѣлось обѣими сторонами.

Но что дѣйствительно было замѣча-
тельно, такъ это то, что онъ, поддерживая
близкое знакомство, даже дружбу, съ бо-
гатыми товарищами и самъ будучи бѣ-
дею, умѣлъ сохранить по отношенію къ
нимъ свое достоинство.

Прежде всего, онъ былъ всегда одѣтъ
щепетильно чисто, все на немъ глядѣло,
какъ новое, а кундиръ, пріобрѣтенный на
первомъ курсѣ въ расрочку, казалось,

обладать особенной способностью никогда не стареть.

Конечно, самъ мундиръ этого никогда не достигъ бы, если бы ему дѣятельно не помогалъ Максюша. Характеръ у него выработался удивительно выдержанный. Мундиръ свой онъ носилъ съ такой осторожностью, какъ будто это было большое мѣсто, отъ прикосновенія къ которому онъ чувствовалъ боль.

Избави Богъ, чтобы онъ, будучи въ мундирѣ, оперся спиной о стѣнку или замѣшался въ толпу или позволилъ себѣ повалиться на диванѣ. Онъ берегъ его, какъ зеницу ока, осторожно пилъ чай, чтобы не пролить на него каплю, тщательно закрывался салфеткой, когда ѣлъ, а придя домой, тотчасъ снималъ его, любовно водилъ по нему щеткой и вѣшалъ въ шкафу.

А достоинство свое онъ дѣйствительно оберегалъ замѣчательно искусно. Близкій другъ Рыбницкаго, пріятель всѣхъ его друзей, каждый вечеръ кутивничъ, онъ, и самъ любимый веселое общество и женщины, тѣмъ не менѣе, несмотря на самыя настоячивыя приглашенія, подъ всевозможными

предлогами отказывался отъ участія въ этихъ кутежахъ.

Совершенно было ясно, что о деньгахъ ему было нечего заботиться—за него платили бы охотно Рыбицкій и другіе.

Онъ былъ пріятный членъ общества, умѣлъ быть веселымъ и оживленнымъ, но въ-то легкость, съ какою за него платили бы, и останавливала его.

Не то, чтобы онъ былъ такъ щепетиленъ, нѣтъ, этого онъ не могъ бы про себя сказать, а просто былъ у него хорошій разумный расчетъ. Чутьемъ практическаго человѣка онъ понималъ, что роль пріятеля, за котораго всегда платятъ другіе, очень скользкая роль, и что удовольствіе, которое онъ будетъ испытывать отъ участія въ кутежахъ, обойдется ему слишкомъ дорого. На него очень скоро начнутъ смотрѣть свысока, а потомъ и уважать перестанутъ. А онъ хотѣлъ, чтобы его уважали, это ему было нужно для будущаго, для цѣлой жизни.

Всего только разъ онъ принялъ участіе въ походедліяхъ Рыбицкаго и его соратниковъ и показалъ таланты незамѣнимые. Пріятеля уже давно сблизилъ на

шаблонъ обычныхъ кутежей, съ безцѣль-
нымъ разбрасываніемъ денегъ, онъ же
внесъ свѣжестъ, выдумку, остроуміе и
этотъ вечеръ долге помнилъ.

Но когда подали счетъ и Рыбницкій дру-
жески сказалъ ему, чтобы онъ не беспо-
коился, Максюша твердо покачалъ го-
ловой и, вынувъ бумажники, заплотить
своею часть.

Оказалось, что его мать получила
какія-то небольшія наслѣдственные деньги
и подѣлилась съ нимъ. Только поэтому
онъ и позволилъ себѣ подобное отступленіе.

Но, такъ какъ состоятъ-то ему при комъ-
нибудь все-таки было необходимо, просто
по характеру его, то онъ очень скоро и на-
мѣтилъ себѣ пунктъ.

У Рыбницкаго онъ познакомился съ
княземъ Задонскимъ, занимающимъ какой-
то промежуточный постъ, съ котораго ужъ
обязательно долженъ былъ понасть въ гу-
бернаторы, и сумѣлъ поправиться ему.

Уже теперь князь, ничего не зная о
томъ культѣ, какимъ Максюша окружалъ
свой мундиръ, дружески потренивалъ его
по плечу и говорилъ:

— Кончите курсъ, мой милый, и прямо ко мнѣ. Люблю этакихъ корректныхъ молодыхъ людей. И можете быть увѣрены: со мной не пропадете.

Максюша такъ и думала, что при князѣ онъ не пропадетъ. Князь былъ вліятельный и, слѣдовательно, его надо было держаться.

Такъ онъ и намѣтилъ въ своей душѣ и даже, когда еще былъ студентомъ, мысленно состоялъ при князѣ.

Поэмию, кончали курсъ, всѣ высказывались о своихъ намѣреніяхъ. Нѣкоторые уже кой-чѣмъ заручились.

Конечно, тутъ много было заблужденія, происшедшаго отъ самоувѣренности молодости. Но всѣ какъ-то на себя надвѣялись, на свои силы.

Тотъ шелъ въ адвокаты, мечтая о томъ, какъ займется положеніе и будетъ самостоятельнымъ человѣкомъ. Другой — въ учителя и тоже говорилъ о борьбѣ, о какихъ-то гуманныхъ идеяхъ, которыя собирался проводить.

Третій, хотъ и намѣтилъ скромную службу по чиновничьей части, но все же

и тамъ собирався схватить какого-то быка за рога.

И всё волновались потому, что стояли передъ жизнью собственными силами и чувствовали, что грудью придется пробивать себѣ дорогу.

Одинъ только Максюша Буграстовъ спокойно покуривалъ папирску, граціозными струйками выпуская дымятъ. Онъ ни капли не волновался.

— Я при князѣ Задонскомъ. Князь только на-дняхъ получилъ назначеніе губернаторомъ въ С. и пригласилъ меня къ себѣ чиновникомъ для особыхъ порученій.

И ни борьба, ни отвѣтственность не грозили ему и ужь, конечно, никакихъ идей проводить въ жизнь онъ не собирався, а просто—состоять при князѣ Задонскомъ, уцѣпиться за полу его губернаторскаго мундира и идти за нимъ

III

И состояли, отлично состояли. Лучшаго положенія, болѣе подходящаго для его характера, онъ не могъ найти.

Человѣкъ, у котораго рѣшительно никакихъ внутреннихъ задачъ въ жизни не было. Что они тамъ такое говорятъ о какихъ-то идеяхъ, которыя нужно проводить въ жизнь? Какія идеи? Откуда они взялись у нихъ? Онъ вполне добросовѣстно размышлялъ ихъ у себя въ головѣ и не находилъ.

И какъ странно! Воспитывался и учился при однихъ условіяхъ съ ними, вращался въ одной средѣ, а вышло все разное.

Его ближайшей цѣлью было—получать жалованья, на первое время, хотя бы только приличное, чтобы можно было жить съ достоинствомъ. Высшее достоинство было его знаменье. Хорошо держать

себя, корректно одѣваться. И онъ этой первой стадіи уже достигъ.

А затѣмъ? Что-жъ, когда ему даютъ порученіе, онъ исполняетъ его съотно, старательно, толково, а когда оставляютъ въ покоѣ, онъ просто живетъ себѣ на свѣтѣ въ ожиданіи лучшаго.

Жалованье онъ получалъ очень скромное и губернскіе чиновники не понимали, какъ это онъ умудряется жить такъ прилично, они вѣдь не знали его характера и выдержки и, видя его всегда изящно одѣтымъ, какъ имъ казалось, въ новое, они не представляли себѣ, какъ онъ обращался съ одеждой и какіе секреты знать для сохраненія ея всегда въ новомъ видѣ.

А впечатлѣніе получалось такое, что у него, кромѣ жалованья, есть еще и свои средства. Ну, что-жъ, пусть такъ думаютъ. Это не можетъ повредить. Напротивъ, это возвышаетъ въ мнѣніи людей.

Ничто такъ люди не уважаютъ, какъ именно эти «свои средства». Казалось бы, гораздо болѣе заслуживаютъ уваженія средства заработанныя, но нѣтъ, свои средства какъ-то солиднѣе и прочнѣе.

Въ домѣ князя онъ былъ свой человѣкъ, и это тоже надо приписать исключительно его умѣнью вести себя съ людьми. Сочетаніе самоувѣреннаго достоинства съ готовностью быть всегда къ услугамъ очень не часто встрѣчается въ природѣ. А у него оно было и это производило чрезвычайно пріятное впечатлѣніе.

Лакейство подчиненныхъ слишкомъ ужъ намозолило глаза князю. А Буграстовъ держался, какъ равный. Ну, просто даже казалось, что этого человѣка нельзя и попросить объ услугѣ, а, между тѣмъ, стоило только намекнуть, и услуга оказывалась.

Но опять же, какъ? Онъ не вскакивалъ съ мѣста, не летѣлъ, сломя голову, а спокойно, неторопливо, своевременно дѣлалъ, что нужно, и видѣ былъ такой, какъ будто онъ дѣлаетъ это отъ себя, по своему желанію, изъ уваженія, а вовсе не по приказанію начальства, не изъ лакейства, не изъ желанія угодить. И это нравилось.

А ужъ нечего и говорить, что его организаторскія способности здѣсь пригодились больше, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Но оцѣнены они были не столько губернаторомъ, сколько губернаторшей.

Для нея Максюша одѣлался совершенно необходимымъ человекомъ. Кажется, если-бъ его не было, она не могла бы съ честью осуществлять положеніе губернаторши. И если разобрать хорошенько, то онъ гораздо больше былъ чиновникомъ особыхъ поручацій при губернаторѣ, чѣмъ при губернаторѣ.

Это была женщина лѣтъ подъ сорокъ, крупнаго величественнаго сложения, лицо ея отлично сохранило черты настоящей русской красоты.

Къ Максюшѣ она относилась какъ-то матерински, а онъ былъ чуть-чуть влюбленъ въ нее, и отношенія между ними установились такіа, какъ бы она была герцогиня, а онъ ея пажъ, самыя подходящія отношенія для чиновника особыхъ порученій.

Она была женщина предприимчивая и дѣятельная. Пріѣхавъ въ городъ, тотчасъ же принялась за благотворительность, одѣлалась предсѣдательницей чуть не всѣхъ обществъ, какія тамъ были и предлалась устройству вечерней, лотерей, базаровъ.

Энергія ея, разумѣется, ограничивалась инициативой, а для исполнительской роли

муженъ былъ какъ разъ такой человекъ,
какимъ былъ Максюша Буграстовъ.

Такъ это и пошло: княгиня выдумывала, а Максюша сейчасъ же приводилъ въ исполненіе—организовалъ, привлекалъ гражданъ, устраивалъ рекламы, велъ переговоры съ купцами «о добровольныхъ пожертвованіяхъ» и собиралъ кучу денегъ.

Благотворительность подъ эгидой княгини процвѣтала, а богатые купцы при встрѣчѣ съ Максюшей шутя называли его «нашъ грабитель», но въ сущности любили его.

Прошло такимъ образомъ года четыре. Максюша возмужалъ, окрѣпъ, превратился въ настоящаго мужчину, у него выросли густые усы и могла бы украшать его лицо недурная бородка, но ее онъ сбривалъ. Фигура у него была великолѣпная и, благодаря всему этому, на провинціальныхъ женщинъ онъ производилъ неотразимое впечатлѣніе.

Разумѣется, у него были грѣшки, связанные съ увлеченіемъ, но легкимъ, поверхностнымъ, рѣшительно ни къ чему не обязывающимъ, и велъ онъ свои дѣла въ

этомъ отношеніи образцово: никто не могъ укорить его въ чемъ бы то ни было.

Но уже въ ту пору, принявъ во вниманіе преимущества своей наружности и впечатлѣніе, неизмѣнно производимое имъ на женщинъ, онъ рѣшилъ, что воспользуется этимъ даромъ небесъ наилучшимъ образомъ, и глаза его постоянно искали въ толпѣ женщинъ будущую избранницу, которая принесла бы ему—ну, не такъ ужъ много, не милліоны, какъ обыкновенно мечтаютъ молодые и красивые охотники жениться—Максюша былъ человѣкъ скромный и трезво смотрѣлъ на вещи,—онъ оценивалъ себя въ нѣсколько сотенъ тысячъ и полмилліона, напримѣръ, было предѣломъ его фантазіи.

Во всякомъ случаѣ это было рѣшено и входило въ планъ его жизни. И въ губернскомъ городѣ уже кой-что намѣчалось, такъ, чуть-чуть, слегка,—овдовѣвшая купчиха, которой мужъ оставилъ тысячу двѣсти.

Но Максюша находилъ, что ему еще рано, что онъ ничего еще не сдѣлалъ въ смыслѣ карьеры, да и лѣтъ ему было всего двадцать семь.

И дѣло тутъ не успѣло наладиться, такъ какъ въ это время князя перевели на губернаторскую должность въ другую, болѣе ответственную губернію и, само собой разумѣется, Максюща переѣхалъ съ нимъ. Вѣдь онъ состоялъ на службѣ не въ губерніи, а при князѣ и при его женѣ.

Въ новой губерніи онъ сразу началъ свою дѣятельность съ повышенія. Онъ явился сюда уже въ качествѣ старшаго чиновника особыхъ порученій. Но это дѣла нисколько не измѣняло.

По прежнему онъ состоялъ, главнымъ образомъ, при губернаторнѣ, и при его помощи адѣсь, какъ и на прежнемъ мѣстѣ, начала процвѣтать благотворительность, а городъ оживился, благодаря интересно устраиваемымъ Максюшей вечерамъ, спектаклямъ, лотереямъ, базарамъ.

Мѣстныя женщины сейчасъ же сдѣлали его своимъ любимцемъ, были маленькіе, ни къ чему не обязывающіе, романы—все это скопилось по его душѣ, не оставляя ни малѣйшаго слѣда.

Замѣчательной чертой его характера, сыгравшей важную роль въ его жизни,

была какая-то странная, при его природной практичности, беззаботность относительно движения по службѣ. Онъ какъ-то всецѣло положился на князя, при которомъ стоялъ. Онъ какъ будто считалъ себя неотдѣлимой принадлежностью того лица, которое пригрѣло его.

Собственно, при той могущественной протекціи, какая у него была въ лицѣ князя, онъ могъ бы въ истекшій періодъ замѣтно подвинуться по службѣ, а въ дѣйствительности двигался онъ медленно. И это произошло оттого, что и князь съ своей стороны до такой степени привыкъ считать его при себѣ, что совершенно не заботился о немъ.

Какъ-то и въ голову не приходило экстренно похлопотать о немъ, выдвинуть его. Да и куда, на какомъ поприщѣ? Ну, вотъ онъ былъ теперь старшій чиновникъ особыхъ порученій. Что же дальше? Управлять канцеляріей ему было еще слишкомъ рано, да эта должность и не по немъ. Она требовала систематической работы и большой отвѣтственности.

А отпустить его въ Петербургъ, гдѣ онъ быстрѣе могъ бы сдѣлать карьеру,

князю не хотѣлось. Онъ какъ-то этого даже не могъ представить себѣ. Представлялось естественнымъ, что онъ будетъ двигаться вмѣстѣ съ княземъ. Вѣдь и князь не рассчитывалъ вѣчно сидѣть на губернаторскомъ посту. Цѣлью его службы былъ Петербургъ—съ какой-нибудь высшей должностью. Ну, тогда и Буграстовъ самъ собою пойдетъ вверхъ.

IV.

Года черезъ два пребыванія въ этомъ городѣ у Максюши начался романъ болѣе серьезнаго характера, чѣмъ всѣ предыдущіе. Героиней его была женщина, занимавшая въ городѣ видное положеніе и даже до нѣкоторой степени конкурировавшая съ губернаторшей на полѣ мѣстной благотворительности.

Варвара Григорьевна Сумятинна, владѣвшая въ уѣздѣ большимъ количествомъ земли и сахарнымъ заводомъ. Состояніе ея исчислялось въ нѣсколько милліоновъ, и была она полной владѣлицей его. Сумятинъ, ея мужъ, умеръ уже много лѣтъ тому назадъ, оставивъ ей все свое состояніе.

Была дочь, тогда еще маленькая дѣвочка, но ей онъ выдѣлить особо какія-то владѣнія въ другой губерніи, теперь она была уже замужемъ и на состояніе Вар-

гары Григорьевны не имѣла никакихъ претензій.

Варварѣ Григорьевнѣ было тридцать шесть лѣтъ. Женщина она была дѣловитая и сама всеми своими дѣлами управляла; вмѣстѣ съ энергіей сохранила молодость души, да и наружность ея мало утратила и она казалась моложе своихъ лѣтъ.

До пріѣзда княгини Задонской она играла первую роль среди городскихъ дамъ-благотворительницъ и жертвовала значительныя суммы. Когда же губернаторша вытѣснила ее, просто однимъ своимъ званіемъ, она не закрыла свой кошелекъ, но замѣтно поубавила щедрости.

Съ нею у Максюши было очень отдаленное знакомство. Холодно казенныя отношенія Сумятинной съ губернаторшей какъ-то невольнио отражались и на немъ. За два года онъ, встрѣчаясь съ нею рѣдко и случайно, не сказалъ ей двухъ десятковъ словъ. И ужь, конечно, ему и въ голову не приходило, что именно съ этой женщиной его свяжетъ судьба.

По наружности и, какъ казалось Максюгѣ, по характеру, Варвара Григорьевна Сумятина представляла строгій типъ. Она

какъ-то выско держала голову, никогда не говорила лишнихъ словъ, мало улыбалась, а кромѣ того онъ слышалъ о томъ, какъ она не по-женски ведетъ свои дѣла.

Изъ всего этого у него составилось о Сумятиной такое представленіе, что, когда онъ думалъ о женщинахъ, могущихъ устроить его судьбу, Сумятина никогда не приходила ему на мысль.

Тутъ, конечно, извѣстное значеніе имѣла и нѣкоторая разница въ лѣтахъ—она была значительно старше его.

Но на одномъ вечерѣ, устроенномъ для благотворительной цѣли Максюшей, какъ-то такъ вышло, что Сумятина поладила съ губернаторшей, дамы разговорились первый разъ за все время знакомства и понравились другъ дружкѣ. Максюша, занятый распорядительствомъ, цѣлый вечеръ не видѣлъ княгини, но зачѣмъ-то понадобилось отыскать ее, онъ направился къ ней и съ удивленіемъ увидѣлъ, что у нея съ Сумятиной оживленный разговоръ.

Дамы въ это время говорили о трудностяхъ, какія представляетъ для одинокой женщины занятіе сложнымъ дѣломъ.

— Но привяжитесь. — сказала губернаторша, — меня порада это удивляло: почему вы привяжитесь? Вы еще молоды, привяжитесь съ такимъ состояніемъ... Да, я думаю, вамъ стоить только взглянуть на Писемнаго, предъименной изъумилась на васъ.

Сумятица отмахивалась руками. Она не такая спохитивая до замужества, чтобы такъ торопясь особенно обрадовалась се. Но крайней мѣрѣ, съва за двѣнадцать лѣтъ издѣлать не встрѣтила ни одного мужчину, который влунить бы ей подобное желаніе.

— Ну, вамъ просто не вѣрно. — сказала губернаторша и въ это время увидѣла направлявшагося къ ней Макаренку: — ахъ, да вотъ, — прибавила она съ улыбкой, — разъ вы такъ говорите, то это значитъ, что вы мало знакомы съ нашимъ милѣйшимъ Макаренкомъ Николаевичемъ Вутрастовичемъ...

Почему-то Сумятица смутилась и изъяснилась. А губернаторша, продолжая улыбаться, рассказала Макаренку весь ихъ разговоръ.

Съ этого и началось ихъ сближеніе. Въ качествѣ состоящаго при губернаторнѣ, въ виду перемѣны отношеній къ Сумятиной, Макаренка сдѣлалъ фабрикантнѣ визитъ.

Тутъ онъ встрѣтилъ такой ласковій пріемъ, столько привѣтливости и простоты, что долженъ былъ перемѣнить мнѣніе о Сумятиной. Совѣтъ она не такая строгая и дѣловитая, какъ ему казалось.

Послѣ этого онъ сталъ часто бывать у нея, дѣля все свое время между ею и губернаторскимъ домомъ.

Сближеніе пошло чрезвычайно быстро. Оказалось, что Сумятина давно уже обратила на него вниманіе. Онъ нравился ей своей наружностью и манерами и казался ей не такимъ, какъ другіе.

Сама она, хотя и принадлежала къ промышленному кругу, была довольно образованна, любила читать и много читала и свободно судила обо всемъ.

Максими́въ она правилась, но не задѣлала его глубоко.

Казалось бы, женщина съ такимъ положеніемъ могла бы осуществить его идеаль жены, но въ дѣйствительности это было не такъ. Что-то останавливало его передъ этой мыслью, что-то служило для него внутреннимъ препятствіемъ.

Внѣшнихъ препятствій, повидимому, никакихъ не было. Варвара Григорьевна

была влюблена въ него безъ ума, и въ то время, какъ онъ не заикался о бракѣ, она сама прямо и открыто говорила ему объ этомъ. Она говорила ему о любви и о бракѣ, а онъ только о любви. Возможность брака онъ не отрицалъ, но относился къ этому вопросу съ усмѣшкой, какъ будто не вѣрилъ въ полную серьезность ея намѣреній.

Что же мѣняло ему? Едва ли онъ самъ могъ ясно стѣвѣтнить на этотъ вопросъ. Можетъ быть, это была инстинктивная боязнь самого себя, своего характера.

До сихъ поръ онъ всегда состоялъ при комъ-нибудь и не ощущалъ отъ этого никакой неловкости. Но это была женщина. Состояніе при женщинѣ, это какъ будто не соответствовало его понятіямъ.

Онъ такъ не говорилъ себѣ, но было такое скрытое чувство. Онъ искалъ жену со средствами, но не съ такими большими, какъ у Сумятиной. Цифра ея состоянія подавляла его и дѣлала его перѣшительнымъ.

Княгиня очень хорошо видѣла, какія серьезныя отношенія завязались у Максими съ Сумятиной послѣ ея шутовскаго замѣчанія. И она не понимала, откуда у Максими такая перѣшительность?

— Да вы что же ждете, Максимъ Ивановичъ? Вы можете быть, разсчитываясь, вѣсто иезикиться на принцессу? Вѣдь вы жю-Сито Сумятили?

— Да, но развѣ это иечерпываетъ вопросъ?

— А въ чемъ же вопросъ?

— Она слишкомъ богата.

— Это недостатокъ?

— Въ данномъ случаѣ—да.

— Вы предпочли бы бѣдную?

— По совѣти—нѣтъ. Но я себя оцѣниваю гораздо дешевле.

— Это похвальная скромность, мой другъ, но если принять во вниманіе, что Барбара Григорьевна влюблена въ васъ безъ ума...

— Это проходить. И въ тотъ моментъ, когда пройдетъ, ей можетъ придти въ голову мысль... Мало ли что можетъ придти въ голову.

Княгиня дивилась его цѣпетильности. Въ сущности, это новооткрытое качество возвышало его въ ея глазахъ, и все-таки она находила это глупымъ. Вѣдь она знала его положеніе: никакихъ наслѣдствъ ему не предстоитъ. Карьеру онъ сдѣлаетъ, но съ

однимъ жалованьемъ и самая карьера плохо движется впередъ.

И она убѣждала его, а онъ упорствовалъ. Отчасти этому способствовало то обстоятельство, что князь получилъ увѣренность въ своемъ скоромъ повышеніи и переводѣ въ Петербургъ на очень отвѣтственную должность. У Максимилиана былъ уже разговоръ съ княземъ и ему было обѣщано очень видное мѣсто въ Петербургѣ. Но вѣдь это было то, о чемъ онъ мечталъ.

Мать его все еще жила въ компаньонкахъ. Жалованье его было недостаточно, чтобы пригласить ее къ себѣ. А тутъ сразу жалованье утронется. Онъ уже написалъ объ этомъ матери и пригласить ее къ себѣ въ Петербургъ.

Но вдругъ неожиданное обстоятельство разрушило все эти планы.

V.

Князь уже получилъ совершенно определенное извѣстiе о своемъ переводѣ и ждалъ только официального назначенiя.

Это было въ февралѣ, ему было обѣщано въ началѣ марта. Въ это время онъ заболѣлъ, какъ казалось, легкой инфлюэнцией, отъ которой скоро оправился, но не остерегся, слишкомъ рано вышелъ и проесть часа два на сыромъ и холодномъ воздухѣ, схватилъ воспаленiе легкаго и въ нѣсколько дней сгорѣлъ.

Князь Задонскiй умеръ буквально наканунѣ своего назначенiя на высшiй постъ. Событiе это не произвело никакихъ потрясенiй въ государственной жизни: въ Россiи стало однимъ губернаторомъ меньше, и только. И дѣло это было тотчасъ же поправлено назначенiемъ новаго.

Но для Максими Буграстова это было

лишеніе огромной важности. Особенно потрясло его оно потому, что было накупѣ важной перемены въ его жизни. Онъ уже готовился къ тому, чтобы рѣшительно отказаться отъ женитьбы на Сумятиной и ѣхать въ Петербургъ свободнымъ и счастливымъ холостякомъ.

И вдругъ, все это растаяло, какъ утренній туманъ. Онъ растерялся. Онъ, который всю жизнь состоялъ при комъ-нибудь и на своемъ состояніи при князѣ строилъ всю свою будущность, почувствовалъ, что у него нѣтъ никакой опоры, изъ подъ ногъ его ушла твердая земля и онъ виситъ въ воздухѣ.

Въ сущности, это вовсе не было преувеличеніемъ. Ему скоро будетъ тридцать лѣтъ. Шесть лѣтъ онъ состоялъ при князѣ, и какихъ лѣтъ!—когда закладывается фундаментъ будущей карьеры.

Ну, положимъ, ему удастся перевестись на службу въ Петербургъ. Но кто тамъ его знаетъ? Одинъ только князь знаетъ его незамѣнимыя служебныя качества, а безъ него, вѣдь, ему придется начинать тамъ сначала. И выходитъ, что шесть лѣтъ службы пропали даромъ.

Да и какал ему предстоитъ карьера? Тѣ родственные графы, князья и бароны, о которыхъ онъ рассказывалъ въ бытность во второмъ классѣ, были плодомъ его дѣтскаго тщеславія, не болѣе.

Онъ, конечно, могъ бы воспользоваться вліяніемъ Рыбицкаго и тамошнихъ знакомыхъ, но шесть лѣтъ вѣдь свое дѣло сдѣлали и, можетъ быть, отъ тѣхъ знакомствъ уже ничего не осталось.

Княгиня была въ горѣ и вовсе не занималась имъ. Она уже больше не была губернаторшей, и онъ, такимъ образомъ, не состоялъ при ней. Къ тому же она скоро покинула губернской городъ.

Всѣ эти обстоятельства заставили Максюшу искать опоры въ бракѣ съ Сумятиной и даже поспѣшить съ этимъ. Онъ еще занималъ мѣсто старшаго чиновника особыхъ порученій. Но вотъ-вотъ пріѣдетъ новый губернаторъ и привезетъ своихъ чиновниковъ—это ужъ такъ водится—и его стѣснять. Пожалуй, предложить уйти.

И, можетъ быть, тогда онъ потеряетъ въ глазахъ Варвары Григорьевны.

Любовь? О, да, конечно. Но все можетъ

быть и всякую возможность надо принимать въ расчетъ.

Недѣлю черезъ три послѣ смерти князя, Максюша сдѣлался женихомъ Варвары Григорьевны Сумятиной, а потомъ скоро и мужемъ.

И до чего ему завидовали мужчины губернскаго города, а особенно молодые губернскіе чиновники! Какая партія! Ни одинъ изъ нихъ не отказался бы. И, разумѣется, говорили, что теперь-то Максюша Буграстовъ пойдетъ быстро впередъ, онъ сдѣлаетъ карьеру, какую хочетъ.

Но это какъ-то не выходило. Сперва и ему самому казалось, что амплуа мужа Варвары Григорьевны вполне совмѣстимо съ продолженіемъ службы, и Варвара Григорьевна ничего не имѣла противъ того, чтобы онъ достигъ большого чина и виднаго положенія.

Благодаря богатству, при новомъ губернаторѣ ему не грозила ни отставка ни оставленіе въ тѣни. Хотя, правда, новый губернаторъ привезъ съ собой своихъ молодыхъ любимцевъ, но все же Максюшу не тронулъ, оставилъ за нимъ мѣсто старшаго чиновника особыхъ порученій.

Но дѣло въ томъ, что губернаторъ-то былъ ему чужой и при немъ состояли другіе. Максющѣ приходилось волей-неволей оставаться самимъ по себѣ. Къ нему относились съ почтеніемъ, какъ къ владѣльцу сахарнаго завода, человѣку, очевидно, служившему не изъ-за жалованья, а изъ чести, но изъ этого почтенія какъ-то ничего не выходило.

Таланты его оставались при немъ и проявлять ихъ для него уже не было возможности. Не могъ же онъ въ самомъ дѣлѣ, мужъ милліонерши, устраивать благотворительные вечера и распорядительствовать на нихъ. Это было уже не къ лицу. Да на это претендовали другіе. Никому и въ голову не пришло бы «оскорбить его подобнымъ порученіемъ».

Но главное, что тамъ, на службѣ, онъ чувствовалъ себя беззащитнымъ и безъ устоя онъ былъ ни при комъ и у него пропадала энергія, гибли его спеціальныя способности исполнителя порученій.

И мало-по-малу, съ теченіемъ времени, на службѣ онъ сдѣлался ненужнымъ, его положеніе даже становилось смѣшнымъ. Служить изъ чести—хорошо, красиво, но

только тогда, когда занимаешь видное, отвѣтственное мѣсто. Но чиновникъ особыхъ порученій при губернаторѣ—вѣдь это не болѣе, какъ промежуточная стадія для полученія высшаго мѣста.

Какая же это честь? Въ особенности, когда ему изъ почтенія не давали даже никакихъ порученій.

Онъ началъ томиться службой, но не рѣшался оставить ее, боясь, что тогда онъ будетъ уже совершенное ничто. Варвара Григорьевна видѣла это и, со свойственной ей прямою и рѣшительностью, посоветовала ему выйти въ отставку. Тогда она была еще влюблена въ него, и нѣкоторое время, года два послѣ этого, онъ чувствовалъ себя предметомъ постояннаго вниманія и заботъ, и это мѣшало ему съ точностью опредѣлить свое положеніе.

Но и это прошло. Варвара Григорьевна еще годика на четыре стала старше и пылъ рлюбленности самъ собою остылъ. Насту-гилъ моментъ, когда она смогла взглянуть на своего мужа ничѣмъ не затемненными глазами и увидѣла, что онъ представляетъ собою каксе-то страшное, довольно милое,

симпатичное, по совершенно безразличное и безпомощное ничто.

На этотъ взглядъ, главнымъ образомъ, навело ее отношеніе Максюши къ ея дѣлу. Она все ждала, когда же онъ заинтересуется имъ и, если не замѣнитъ ее, то, по крайней мѣрѣ, хотъ раздѣлить съ нею груды по управленію заводомъ и множествомъ другихъ связанныхъ съ ними дѣлъ.

Но онъ и не думалъ объ этомъ. Онъ просто не понималъ, какое удовольствіе можно находить въ вознѣ съ рабочими, съ агентами, съ конторскими расчетами, съ цифрами.

Это было живое, здоровое дѣло, а онъ никогда не готовилъ себя ни къ чему подобному. Съ младшихъ классовъ гимназій онъ сперва смутно, а потомъ вполне сознательно приспособлялъ свои мысли и способности къ службѣ, къ карьерѣ, потомъ была у него практика въ этомъ смыслѣ и болыше ни ва что онъ не былъ пригоденъ.

И въ то время, какъ Варвара Григорьевна цѣлые дни посвящала привычной работѣ, ѣздила на заводъ, спускалась въ контору, вела переговоры съ покупателями, провѣряла книги, онъ читалъ газеты, на-

игрывалъ на фортепіано, напѣвалъ куплеты (у него былъ педурной баритонъ), катался на великолѣпныхъ рысакахъ, сидѣлъ въ клубѣ, а дома своей болтовней часто мѣшалъ ей.

— Неужели тебѣ не скучно?—спрашивала она его.

— Почему? Но я всегда чѣмъ-нибудь занятъ,—отвѣчалъ онъ съ наивностью челоуѣка, совершенно непонимающаго разницы между опредѣленнымъ дѣломъ и «занятіемъ чѣмъ-нибудь».

— А отчего бы тебѣ не спуститься въ контору и не познакомиться съ дѣломъ? Или—на заводѣ, это такъ интересно и для тебя будетъ ново...

Онъ тихонько пожималъ плечами.

— Рѣшительно не могу этимъ заинтересоваться. Если это нужно, если ты непремѣнно хочешь, я, разумѣется, займусь всѣмъ, чѣмъ угодно. Но я, признаться, не вижу надобности въ этомъ и для тебя. Все это могли бы съ успѣхомъ дѣлать толковые приказчики.

Послѣ этого Варвара Григорьевна махнула на него рукой. Она увидѣла, что въ этомъ отношеніи они никогда не сгово-

рятся и не поймутъ другъ друга, что они являются собою два міросозерцанія, взаимно исключаютъ другъ друга.

Отъ этого она, разумѣется, не перестала относиться къ нему тепло. Женское чувство руководится своими особыми законами.

Но все же положеніе его свелось къ тому, чего онъ такъ инстинктивно боялся: снѣ былъ мужъ милліонерши, состоящій при своей женѣ. И какъ только онъ это почувствовалъ, сейчасъ же вступилъ въ свою роль и точно такъ же, какъ при губернаторѣ, съ наслажденіемъ исполнялъ маленькія, неотвѣтственныя порученія, которыя давала ему Варвара Григорьевна: озаботиться покупкой билетовъ въ концертъ, отдать запущенный визитъ, спестись съ московской фирмой на счетъ покупки автомобиля, то есть все то, чѣмъ сама она не могла заниматься за отсутствіемъ времени.

И онъ прекрасно все это исполнялъ, съ охотой и съ искусствомъ, такъ какъ все это было ему знакомо, по силамъ и нравилось. И роль его была ясна для всѣхъ, и въ городѣ называли его не иначе, какъ «мужъ Варвары Григорьевны», а иные даже «мужъ госпожи Сумятиной».

БЕЗЪ НУТРА.

VI.

Совсѣмъ недавно мнѣ пришлось побы-
вать въ губернскомъ городѣ, гдѣ когда-то,
въ давнее время, у меня были знакомства и
связи, и теперь еще остался кой-кто.

Поналъ я въ самое горячее время, когда
городъ готовился послать своего избран-
ника въ законодательную Думу. Граждане
были взволнованы и всеюду, гдѣ только со-
бирались люди, была одна тема.

— Ну, кто же у васъ? Кого намѣчаете?

Называли имена. Въ городѣ было множе-
ство оттѣнковъ, но всѣ они примыкали къ
тремъ партіямъ: налѣво, направо и посре-
динѣ, и, какъ и слѣдовало ожидать, самой
многолюдной была послѣдняя.

«Немного добра, немного зла»,—
какъ объяснилъ мнѣ одинъ мѣстный юмо-
ристъ. — «Самое спокойное дѣло. По
крайней мѣрѣ, нѣтъ опасности ни передоб-
рить, ни пересквернить».

— А если хотите поближе познакомиться съ нашими настроеніями, пожайте на предвыборное собраніе въ воскресенье. Тамъ увидите всѣхъ нашихъ героевъ.

Я и пошелъ. Въ губернскомъ городѣ было мало развлеченій. Дѣло происходило въ августѣ, когда жителямъ рѣшительно некуда было дѣваться. Поэтому предвыборное собраніе имѣло такой успѣхъ, какъ первое торжественное представленіе какой-нибудь пріѣзжей столичной труппы актеровъ.

Довольно обширный залъ мѣстнаго общественаго собранія былъ биткомъ набитъ горожанами. Я, однако же, получилъ приличное мѣсто, съ котораго могъ видѣть и слышать всѣхъ.

Выступали представители всевозможныхъ отгѣнковъ, излагали свои программы и доказывали ихъ преимущества. Все это были люди, мнѣ незнакомые, а слова говорились все тѣ же, которыя я слышалъ вездѣ и читалъ во всѣхъ газетахъ. Какъ ни вслушивался я съ надеждой услышать что-нибудь новое, мѣстное, колоритное, свое— это мнѣ не удалось. И мнѣ стало скучно.

Но вотъ на возмущенномъ мѣстѣ, устро-
енномъ для ораторскъ, появилось новое
лицо, которое почему-то сразу приковало
мое вниманіе. Незнакомый человѣкъ, но
что-то въ немъ было какъ будто близкое.

Онъ былъ высокаго роста, довольно
умитанный, и даже съ замѣтнымъ брови-
комъ, которое особенно выдавалось благо-
даря подчеркивавшему его блѣдному жи-
лету при черномъ сюртукѣ.

Лицо у него было красивое и мошне
было бы сказать — благородной складки,
если бы не мѣшали замѣтно выступающія
одутловатости бритыхъ щекъ. И вотъ
что-то одутловатости особенно привлекли
меня что-то изъ прошлаго.

Онъ заговорилъ звучнымъ баритональ-
нымъ голосомъ. И велуналти- и слова
ужасно знакомыя, — припомнилъ: два че-
тыре назадъ, когда я ѣхалъ въ по-
ѣздѣ, читать статью въ одной московской
газетѣ самаго умѣреннаго настроенія.
Такъ это она и была, рассказавшая своими
словами.

— Да кто же это такой? — спросилъ я у
своего знакомаго сосѣда. — Какъ будто я
его гдѣ-то видѣлъ и звалъ.

— А это—мужъ Сумятиной, первой богачки въ нашемъ городѣ. Онъ и выступаетъ то не отъ себя, а по довѣренности отъ своей жены...

— Мужъ Сумятиной? Почему же онъ мужъ, а не Сумягинъ?

— А потому, что онъ не Сумягинъ. Сумятина она по первому мужу, который былъ фабрикантъ. Онъ умеръ, а она вышла за другого. Да его никто иначе и не зоветъ: мужъ Сумятиной, да и только.

— А своя фамилія у него есть?

— Ну, какъ же не быть? Буграстовъ...

— Максюша Буграстовъ?

— Максимъ Николаевичъ. Въ прежнее время при губернаторѣ служилъ.

— При князѣ Задонскомъ? Чиновникомъ особыхъ порученій...

Тогда я все вспомнилъ. Максюшу я видѣлъ въ послѣдній разъ незадолго до его женитьбы, когда онъ этакимъ орломъ собирался перелетѣть въ Петербургъ съ большимъ повышеніемъ. Потомъ я узналъ о смерти князя и о его женитьбѣ на мѣстной богачкѣ. Это было лѣтъ семь тому назадъ.

Но до какой степени онъ за эти годы измѣнился, это было даже поразительно.

И дѣло не въ томъ, что онъ потолстѣлъ, отяжелѣлъ, нѣсколько обрюзгъ, что волосы на головѣ его значительно порѣдѣли и онъ тщательно пригладилъ ихъ съ проборомъ посрединѣ, а лобъ сдѣлался высокій, что очень мѣняло его лицо и не шло къ нему,—но онъ удивительнымъ образомъ сталъ возвращаться къ своему дѣтскому типу—къ маленькому Максюшѣ второго класса гимназій, когда его называли «карапузикомъ».

Одутловатость щекъ, брюшко, общая округлость, все это было оттуда и они-то главнымъ образомъ приковали къ нему мое вниманіе.

Говорилъ онъ вяло и безжизненно, ни одного живого слова, отъ души, своего собственнаго. Такъ, общія мѣста умеренности, все та же статья газеты, съ прибавленіемъ кой-чего изъ другихъ статей, такихъ же безцѣтныхъ, какъ и та.

Я скоро пересталъ слушать его, мысли мои перенеслись въ далекое прошлое, во второй классъ гимназій, и вспомнились не только «карапузикъ» Максюша Буграстовъ, но и все другіе и все, что тамъ было. И почему то особенно ярко въ моемъ вооб-

ражени всталъ образъ высокой, худощавой женщины съ блѣднымъ лицомъ, строгимъ, но въ то же время мягкимъ и привѣтливымъ.

Она много-много лѣтъ жила компаньонкой въ родовитомъ домѣ. Она пожертвовала своей гордостью, чтобы вырастить и вывести въ люди своего Максюшу. Она, конечно, видѣла его въ будущемъ сановникомъ, большимъ человекомъ, который, можетъ быть, впрочемъ судьбами Россіи. И потомъ въ университетѣ казалось, что что-то подобное можетъ изъ него выйти.

Но бѣда въ томъ, что, по обстоятельствамъ, ему приходилось всю жизнь на кого-нибудь опираться и состоять при комъ-нибудь. И жизнь какъ то вывѣтрила его и получилось что-то неопредѣленное, лишекное индивидуальной окраски, расплывчатое и безцвѣтное.

Когда онъ возвышеннымъ голосомъ кончилъ свою рѣчь призывомъ держаться умѣренности и выбирать человека благоразумнаго, осторожнаго, сдержаннаго и обладающаго еще дюжиной такихъ же почтенныхъ качествъ, ему жиденько похлопали,

но никто и не думалъ возражать. Онъ занялъ мѣсто въ первомъ ряду.

Скоро былъ устроенъ перерывъ, и я его стыскалъ. Обрадовался мнѣ, сразу пошелъ на ты и повелъ себя, какъ старый товарищъ. Задалъ нѣсколько вопросовъ обо мнѣ, но почти не слышалъ моихъ отвѣтовъ, а сейчасъ же заговорилъ о себѣ.

Я приглядѣлся къ нему поближе. Странное впечатлѣніе! Лицомъ онъ постарѣлъ, но не такъ ужъ замѣтно. Но въ глазахъ было какое-то выраженіе упадочности, почти дряхлости. «Человѣкъ безъ всякаго внутренняго содержанія»,—мелькнуло у меня въ головѣ.

А онъ, видимо, теперь былъ все проникнутъ политикой и интересами своей партіи, говорилъ о ней, какъ о чемъ-то безусловно ему принадлежащемъ, — «у насъ», «мы», «наши задачи»,—не говорилъ безъ увлеченія, безъ нутра. Я спросилъ его, разсчитываетъ ли онъ самъ пройти въ Думу, но онъ этого даже какъ будто испугался.

— Охъ, нѣтъ, я не тщеславецъ. Я думаю, что гораздо полезнѣе работать здѣсь, на мѣстѣ. Да и надо же кому-нибудь оставаться въ провинціи...

Ну и, конечно, онъ звалъ меня къ себѣ и обѣщаль познакомить со своей женой. Визитъ былъ назначенъ на слѣдующій день къ обѣду, а до этого времени я перезнакомился съ нѣкоторыми видными членами его партіи. Я не разспрашивалъ о немъ, но прислушивался и старался уловить преобладающее мнѣніе.

И для меня стало ясно, что съ нимъ, какъ съ членомъ партіи, совсѣмъ не считаются. Деньги отъ него берутъ—то-есть не отъ него, а отъ Варвары Григорьевны, по черезъ него. На Сумятинскія средства была устроена чуть не вся агитація и это, конечно, дѣлалось ради него, потому что сама Варвара Григорьевна политикой мало интересовалась.

Но когда въ частныхъ разговорахъ обсуждались шансы разныхъ кандидатовъ, его имя ни разу не было упомянуто. Меня это даже нѣсколько задѣло. Составъ публики былъ вовсе не такого высокаго качества — были чиновники, купцы, учителя. Все-жъ таки Макошша въ этомъ обществѣ былъ не первый встрѣчный.

И деньги черезъ него добывались для цѣлей партіи и близокъ онъ былъ къ та-

кому лицу, какъ Сумятина, которая вліяла на всѣ коммерческія дѣла въ городѣ. И, наконецъ, вѣдь онъ же былъ человѣкъ образованный, кончилъ университетъ, да и отъ природы вовсе не глушь.

И я любопытствовалъ, какую роль игралъ онъ въ мѣстной политикѣ.

— А онъ у насъ при партіи состоитъ, — отвѣтили мнѣ.

— Почему вы говорите «при партіи», а не въ партіи?

Собесѣдникъ мой замаялся.

— А знаете, я и самъ не знаю, почему. Ну да, разумѣется, онъ членъ партіи, но вотъ почему-то кажется, что онъ только при партіи. Знаете, впечатлѣніе такое, что ему въ сущности все равно, а онъ хлопочетъ, говоритъ и даже жертвуетъ просто потому, что ему больше нечего дѣлать. Вотъ случилась партія, онъ къ ней и присталъ. Это сго ни къ чему не обязываетъ, а время убить можно.

Да, вотъ какое впечатлѣніе. Оно вполне совпадало съ моимъ представленіемъ о Макешѣ. Люди сго партіи, подчасъ мало образованные, все-таки горѣли какими-то, хоть и скромными и умѣренными, задачами,

къ чему-то стремились, что-то хотѣли про-
вести въ жизнь. А онъ смотрѣлъ на это,
какъ на развлеченіе, и съ этой цѣлью при-
соединился къ партіи.

Если зимой приѣдетъ труппа и его
близко задѣнетъ театръ, онъ броситъ
партію и начнетъ постоянно торчать въ
театрѣ. Но это можетъ быть и не театръ, а
циркъ или какой-нибудь легкій спортъ,
все, что угодно.

Человѣкъ безъ всякой задачи, кромѣ
одной—какъ-нибудь не скучно прожить
жизнь. Въ сущности и тогда, когда онъ дѣ-
лалъ карьеру, у него не было сильнаго
тщеславія, которое побуждаетъ другихъ
идти на проломъ. Карьера тоже нужна
была ему лишь для того, чтобы какъ-ни-
будь прожить жизнь. Оттого-то она у него
и не пошла.

Наконецъ, я познакомился съ Варварой
Григорьевной. Обѣдалъ у нихъ. Она нѣ-
сколько сдала по наружности, но это было
не существенно, значительно пополнила,
завелось нѣсколько сѣдыхъ волосъ.

Но зато, какіе у нея были живые, мо-
лодые глаза, сколько въ нихъ свѣтилось
энергіи и бодрости. Максюша, который

былъ на семь лѣтъ моложе ея, рядомъ съ нею казался старикомъ.

Съ нимъ она обращалась странно—чуть-чуть пренебрежительно, но мягко, уступчиво. У него были свои маленькіе капризы—любимый соусъ къ цыплятамъ, онъ самъ приготовлялъ салатъ, и разные такіе пустяки, и она все это ему терпѣливо предоставляла.

Но когда затѣялся разговоръ объ урожаѣ, о промышленныхъ дѣлахъ въ губерніи, о положеніи партій, о шансахъ кандидатовъ,—она говорила обо всемъ увѣренно, точно, съ знаніемъ дѣла, а если Максюша вмѣшивался въ разговоръ и вставлялъ какое-нибудь замѣчаніе, она пропускала его слова мимо ушей и продолжала, не принимая ихъ въ расчетъ.

Послѣ обѣда, когда мы съ нимъ вдвоемъ курили въ маленькомъ садикѣ, я спросилъ его о матери.

— Ну, разумѣется,—отвѣтилъ онъ,—она уже давно оставила службу. Мнѣ удалось уговорить ее.

— По развѣ она не съ тобою живетъ?

— Нѣтъ, она предпочитаетъ жить въ Москвѣ. Какъ ни убѣждали ее я и Варвара

къ чему-то стремились, что-то хотѣли про-
вести въ жизнь. А онъ смотрѣлъ на это,
какъ на развлеченіе, и съ этой цѣлью при-
соединился къ партіи.

Если зимой приѣдетъ труппа и его
близко задѣнетъ театръ, онъ броситъ
партію и начнетъ постоянно торчать въ
театрѣ. Но это можетъ быть и не театръ, а
циркъ или какой-нибудь легкой спортъ,
все, что угодно.

Человѣкъ безъ всякой задачи, кромѣ
одной—какъ-нибудь не скучно прожить
жизнь. Въ сущности и тогда, когда онъ дѣ-
лалъ карьеру, у него не было сильнаго
тщеславія, которое побуждаетъ другихъ
идти на проломъ. Карьера тоже нужна
была ему лишь для того, чтобы какъ-ни-
будь прожить жизнь. Оттого-то она у него
и не пошла.

Наконецъ, я познакомился съ Варварой
Григорьевной. Обѣдалъ у нихъ. Она нѣ-
сколько сдала по наружности, но это было
не существенно, значительно пополнила,
завелось нѣсколько сѣдыхъ волосъ.

Но зато, какіе у нея были живые, мо-
лодые глаза, сколько въ нихъ свѣтилось
энергіи и бодрости. Максюша, который

былъ на семь лѣтъ моложе ея, рядомъ съ нею казался старикомъ.

Съ нимъ она обращалась странно—чуть-чуть пренебрежительно, но мягко, уступчиво. У него были свои маленькіе капризы—любимый соусъ къ цыплятамъ, онъ самъ приготовлялъ салатъ, и разные такіе пустяки, и она все это ему терпѣливо предоставляла.

Но когда затѣялся разговоръ объ урожаѣ, о промышленныхъ дѣлахъ въ губерніи, о положеніи партій, о шансахъ кандидатовъ,—она говорила обо всемъ увѣренно, точно, съ знаніемъ дѣла, а если Максюша вмѣшивался въ разговоръ и вставлялъ какое-нибудь замѣчаніе, она пропускала его слова мимо ушей и продолжала, не принимая ихъ въ расчетъ.

Послѣ обѣда, когда мы съ нимъ вдвоемъ курили въ маленькомъ садикѣ, я спросилъ его о матери.

— Ну, разумѣется,—отвѣтилъ онъ,—она уже давно оставила службу. Миѣ удалось уговорить ее.

— По развѣ она не съ тобою живетъ?

— Нѣтъ, она предпочитаетъ жить въ Москвѣ. Какъ ни убѣждали ее я и Варвара

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Объщая, въ числѣ выдаваемыхъ сборниковъ сочиненій извѣстныхъ русскихъ писателей, рассказы **А. В. Амфитеатрова**, редакція не предполагала, что получить отъ автора такія произведенія за которыя, по ея мнѣнію, № 24-й журнала „Пробужденіе“ за 1913 годъ, съ приложеніемъ книги сочиненій **А. В. Амфитеатрова**, могъ бы неизбежно подвергнуться конфискаціи*).

Принимая во вниманіе аккуратное выполненіе обязательствъ выданныхъ Г.г. подписчикамъ, редакція могла воспользоваться лишь тѣми произведеніями **А. В. Амфитеатрова**, которыя помѣщены въ этомъ сборникѣ, замѣнивъ остальные **новымъ рассказомъ** выдающагося русскаго писателя **И. Н. Потапенко**.

Редакція журнала „Пробужденіе“.

*) Книга приложеній, выдаваемая при журналѣ въ одной бандероли, конфискуется нераздѣльно съ № журнала и № освобождается отъ ареста лишь по особому ходатайству или же не ранѣе окончанія судебного процесса по этому дѣлу.

Ред.

ПЕТЕРБУРГЪ НА ЛѢТНЕМЪ ПОЛОЖЕНІИ
или
КО БЛАГО БЫТИ ОДНОМУ БЕЗЪ ЖЕНЫ.

МОРАЛЬ-ШАРЖЪ
ВЪ 1-мъ ДѢЙСТВІИ.

Петербургъ на лѣтнемъ положеніи.

или

Но благо быти одному безъ жены.

Мораль-шаржъ въ одномъ дѣйствіи.

ЛИЦА.

Федотъ Унываловъ. } юноши лѣтъ, безъ ма-
А кадій Восторговъ. } лаго, подъ сорокъ.
Антипъ Ведро, пріѣзжій изъ деревни.

Владиславъ Казиміровичъ }
Его-же-Не-Перепись. } юноши предѣль-
Адольфъ Николаевичъ Мо- } наго возраста.
этъ-де-Шандонъ. . . }

Максимъ Переплюнь } петербуржцы
Андрей Нелоплюнь } третьей молодости.
Конкордія Флавіановна, или въ просторѣчій Кла-
викордія Фортепіановна, — благодѣтельная
волшебница; она же, впрочемъ, и кievская
вѣдьма.

Фаня. }
Маня. } подвластныя ей феи (съ полурѣча-
Паня. } ми или вовсе безъ рѣчей).
Таня. }
Аня. }

Тарась, слуга.

Дѣйствіе въ квартирѣ Федота Унывалова.
Входятъ Антипъ Ведро и Тарась.

Антипъ Ведро. Дома?

Тарась. Такъ точно-съ. Изволили
вернуться по обыкновенію.

Ант. Ведро. Въ семь утра?

Тарасъ. Никакъ нѣтъ-съ: въ восемь съ половиною.

Ант. Ведро. А каковъ?

Тарасъ. Изволятъ быть по обыкновенію.

Ант. Ведро. И сильно?

Тарасъ. Очень прекрасны-съ.

Ант. Ведро. Очень, говоришь?

Тарасъ. На манеръ какъ бы большого Кулака и даже до пекинскаго звѣрства-съ. Вотъ даже до чего-съ. Супруга моя на девятомъ мѣсяцѣ находились.. И угоразди ихъ нелегкая выйти на бариновъ звонокъ—дверь отворить-съ. Да какъ воззрѣли онѣ на бариновъ ликъ,—выразить невозможно-съ! Ужаснулись и тутъ же, съ мѣста не сходя, дочку мнѣ подарили: и за бабкой повивальной ходить не пришлось, дай Богъ барину здоровья.

Ант. Ведро. То-то ты сіяешь, какъ новый полтинникъ. А гдѣ же онъ—баринъ твой?

Тарасъ. Въ кабинетъ-съ. Съ Восторговымъ, Аркадіемъ Николаевичемъ...

Ант. Ведро. Неужели уже пьютъ?

Тарасъ. Никакъ нѣтъ-съ: другъ другу въ жилетки плачутъ-съ и дамскія ленты цѣлуютъ.

(За сценою дикій дуэтъ голосовъ болѣе, чѣмъ сомнительной свѣжести; Восторговъ и Унываловъ выходятъ въ дружескомъ объятіи).

Восторговъ и Унываловъ.

См-м-ййся, паяцъ, запряженный съ зарею!
Пар-ра гнѣдыхъ надъ любовью твоей!

Ант. Ведро. Одиако!!!
Унываловъ. Дошли, братъ!
Восторговъ. Не суди, да не судимъ
будешь!

Ант. Ведро. Лики-то! лики-то!

Унываловъ. Трагическія.

Ант. Ведро. Да—словно каждый изъ
васъ сейчасъ въ семи душахъ повинится!

Унываловъ. А—чортъ насъ знаетъ,
братецъ? Можетъ, и выпрямъ виниться надо!
За нами—тьма вѣковъ и мракъ неизвѣст-
ности.

Восторговъ. За предшествованія не от-
вѣчаемъ.

Унываловъ. Нирвана.

Восторговъ. Ни чувства, ни памяти!

Унываловъ. Пустота, беззвучіе и..
(поднимаетъ съ ковра). Чей-то розовый
корсетъ!

Восторговъ (съ тѣмъ же движе-
ніемъ). Голубой!

Ант. Ведро (съ тѣмъ же движе-
ніемъ). Зеленый!.. Ахъ, черти! черти! Что
вы тутъ — корсетный спектръ изучаете,
что-ли?

Унываловъ (съ завываніемъ). О,
Фаня! Фаня!! Фаня!!!

Восторговъ (съ захлебываніемъ). О,
Паня! Паня!! Паня!!!

Ант. Ведро. Вы ли это, дѣти мои?
Стыдитесь! Не узнаю васъ, бедотъ Гри-
горьевичъ! Ты—и какая-то Фаня! Что ска-

жетъ Елизавета Семеновна? Аркадій Николаевичъ! Ты—и какая-то Паня! Что скажетъ Ольга Трофимовна? Что скажетъ княгиня Марья Алексѣевна, наконецъ? Вѣдь, вы не мальчишки, не шушваль какая-нибудь, но дѣйствительные статскіе совѣтники. Ты, Унываловъ, чуть не на директорской линіи...

Восторговъ. Поступить въ хоръ Крестовскаго сада—вотъ моя линія!

Унываловъ. Да и то врядь-ли удостоишься, ибо—ты слышишь, Антигъ, какъ у него алкоголическій ларингитъ! О, Фаня! Фани!! Фаня!!!

Восторговъ. А у тебя—пропойный басъ! О, Паня! Паня!! Паня!!!

Унываловъ. Не напоминай намъ о жеплахъ, чадахъ и домочадцахъ: изъ-за нихъ мы погибаемъ! Мы изъ рода бѣдныхъ Азровъ, гдѣ рядомъ хмель идетъ съ любовью!

Восторговъ. Онѣ бѣжали отъ насъ, своихъ законныхъ, но любящихъ мужей и отъ зловоннаго столичнаго лѣта на лоно природы и теперь блаженствуютъ подъ сѣнью струй дачныхъ, деревенскихъ, заграничныхъ...

Унываловъ. Между тѣмъ, какъ мы—покинутые, скучающіе—представлены на жертву праздности—матери всѣхъ пороковъ!

Обавмѣстѣ. Ст-р-ррашно было наше паденье!

Тру-ля-ля, да—тру-ля-ля!

Унываловъ. И знай: предъ тобою не дѣйствительные статскіе совѣтники, но два — дѣвострадателя! О, Фаня! Фаня!! Фаня!!!

Восторговъ. О, Паня! Паня!! Паня!!!

Ант. Ведро. Дѣвострадатели? Это что еще?

Восторговъ. О, деревня! о, святая простота!

Унываловъ. Знаешь ли ты, что называется веселящимся петербуржцемъ на лѣтнемъ положеніи?

Ант. Ведро. Конечно, знаю. Веселящійся петербуржецъ на лѣтнемъ положеніи есть человѣкообразное двуногое, завтракающее у Кюба, обѣдающее у Эрнеста, вечеромъ пьянствующее въ Акваріумѣ, ночью пьянствующее же на Крестовскомъ, а утромъ...

Унываловъ и Восторговъ (волчинымъ дуэтомъ):

Тихо туманное утро въ столицѣ!
По улицамъ наша коляска ползеть;
Въ ней мы лежимъ — два останка блудницы!..
Пара гнѣдыхъ еле-еле бредеть.

Унываловъ. Твое опредѣленіе, милѣйшій Антипъ, недурно, но не достаточно подробно. Оно хорошо, покуда въ веселящіяся петербуржцы лѣзутъ мальчишки, желторотая публика. Ну-съ, а когда веселящимся петербуржцемъ становится человѣкъ нашихъ лѣтъ и нашего положенія,

то слѣдующій шагъ для него—Антипъ, его ты видишь!..

Восторговъ. Дѣвострадатель—имя ему!

Ант. Ведро. Объяснись!

Унываловъ (потрясая розовымъ корсетомъ). Что это?

Ант. Ведро. Розовый корсетъ.

Восторговъ. Нѣтъ, не розовый корсетъ. Это—эмблема дивнаго, неземнаго существа, красоты, природы совершенства, по неопытности ввергнутаго въ бездну порока завистникомъ сатаню!

Унываловъ (мрачно). Она, впрочемъ, говоритъ, что юнкеромъ.

Восторговъ. Ее надо поднять изъ мрака заблужденія!

Унываловъ. Спасти, просвѣтить, возвысить!

Восторговъ. Да ты о комъ говоришь?

Унываловъ. Разумѣется, о Фанѣ! О, дѣва чудная моя!

Восторговъ (отводитъ Антипа Ведро въ сторону). Вотъ дуракъ-то. Нашелъ дѣву чудную: другой таковой продувной пѣть во всемъ Петербургѣ.

Унываловъ (такъ же). Онъ тебѣ, навѣрное, о Панькиной добродѣтели шепталъ? Жаль парня: втюрился, какъ идиотъ. А это чистое существо прошло всѣ огни, воды и мѣдныя трубы.

Восторговъ. Конечно, жизнь Пани прошла не безъ упрека, но теперь все кончено: она раскаялась и будетъ вести скромную трудовую жизнь. Я даю ей средства, и она поступаетъ на велосипедные курсы.

Унываловъ. Фаня—на фехтовальные.

Оба. И это—изъ-за любви къ намъ. Онѣ предпочитаютъ рай съ милымъ въ шалашѣ, чертогамъ Александра и татарина Ялышева!

Восторговъ (тихо). Правду сказать, Фанька его морочитъ и, когда онъ отвернется, дѣлаетъ мнѣ глазки, но ты, Антипъ, не подавай вида, что замѣтилъ—пусть утѣшается!

Унываловъ (такъ же). Стоитъ ему немощко зазѣваться, и его Паня уже виснетъ мнѣ на шею, но ты молчи—пусть себѣ мечтаетъ!

Восторговъ (тихо). Пусть позабавится! Когда дѣло зайдетъ слишкомъ далеко, я приму свои мѣры и вырву его изъ когтей этой змѣи.

Ант. Ведро (въ ужасѣ). До змѣй съ когтями допились! Граждане! Куда мы идемъ? Куда мы идемъ?

Унываловъ (тихо). Конечно, я наблюдаю за нимъ въ оба, и, будь спокоенъ, не позволю этой ехиднѣ обобрать его и компрометировать!

Ант. Ведро. Компрометировать.

Унываловъ (снисходительно). Да, это у васъ такъ говорится—тамъ, вообще... А у насъ въ хору—компроментировать, копстантировать, идеаль и ангриганъ.

(Входятъ Его же-Не-Перепьешь, Моэтъ-де-Шандонъ, Максимъ Переплюнь и Андрей Недоплюнь и прочіе петербуржцы третьей молодости и предѣльнаго возраста).

Общій хоръ. Сюда, сюда, мои вассалы!
Зевесомъ пр-клятый народы!

Ант. Ведро. И это тоже дѣвострадали?

Его же-Не-Перепьешь. Нѣтъ, подымай марку выше: мы шампаньолики. Мы тѣ—кто постигли тайну жизненнаго элексира! *Vini champaniensis butylcas quodlibet.* Вотъ секретъ вѣчнаго довольства и, главное эмансипація мужчины изъ рабства у женщины! О, вино! ты одно—вѣршій другъ до могилы. А женщины... «Часто женщина мѣняется,—сумасбродъ, кто ей ввѣряется!» (Смотритъ на Унывалова и Восторгова съ презрѣніемъ). Несчастные!

Восторговъ и Унываловъ (отвѣчаютъ тѣмъ же). Жалкіе.

Ант. Ведро. Адольфъ! что же ты молчишь? Открой вѣщія уста, скажи хоть слово!

Моэтъ де-Шандонъ. Оставь! чего ждешь ты отъ человѣка, который уже чувствуетъ, что у него мозги стали въ четыре угла?

Ант. Ведро (пятится). Съ нами сила святая!

Максимъ Переплюнь. А у меня въ головѣ—попугай отъ Контана. Пока другіе говорятъ, онъ—ничего, молчить. А чуть останусь одинъ, сейчасъ и пошелъ разговаривать: «Что такое? Дур-ракъ! что такое? Дур-ракъ!» И такъ это онъ явственно,—точно біографію мою составляетъ!

Ант. Ведро (пятится). Вы бы къ психіатру?

Его же-Не-Перепьешь (авторитетно). Пустяки! *Vini champaniensis butylcas tres*—и все, какъ рукой сниметъ!

Андрей Недоплюнь. А я вчера четыре хора слушаль, всѣмъ пѣвицамъ букеты поднесъ.

Унываловъ (декламируетъ).

Мирта Киприды мнѣ дан!
Что намъ гирлянды цвѣтныя!

Восторговъ. А я Папѣ собаку на Крестовскомъ купилъ и мы ее тутъ же дикому челоуѣку живьемъ скормили! Съ шерстью!!!

Максимъ Переплюнь. Я мазаль горчицею лицо распорядителю!

Андрей Недоплюнь. Мнѣ самому мазали.

Ант. Ведро (пріотворивъ дверь въ переднюю, безпокойно). Тарась! сходи за старшимъ дворникомъ.

Моэтъ де-Шандонъ (мрачно). Били мы этого банкира или онъ насъ билъ?!

Ант. Ведро (у двери, съ вящимъ безпокойствомъ). И за городовымъ!

Его же-Не-Переписьешъ. Не все-ли равно? Если мы этого не помнимъ, то и ему не упомнить! Будемъ думать, что мы при взаимномъ удовольствіи!

Ант. Ведро (у двери). Нѣтъ, лучше прямо за участковымъ приставомъ!

Уньваловъ. Мы съ Фаней катались на живомъ слонѣ и варили уху изъ крокодила!

Максимъ Переплюнь. Я стрѣлять изъ револьвера въ хозяйку хора!

Андрей Недоплюнь. Въ меня хозяйка стрѣляла!

Уньваловъ (торжественно). А компнѣ сейчасъ пріѣдетъ Конкордія Флавіановна со всѣмъ своимъ персоналомъ! Я, господа, такъ рѣшилъ: что намъ таскаться за тридевять земель на Крестовскій? Не проще ли обратитъ свою собственную квартиру въ Крестовскій?

Голосъ, полный чинопочтительнаго ужаса, изъ среды петербуржцевъ предѣльнаго возраста. Но ежели которая квартира—казенная?

Уньваловъ (наивно). Ничего! Въ казенныхъ еще комнаты просторнѣе: воздуху больше (Общее завистливое молчаніе. Его же-Не-Переписьешъ медленно подходитъ къ Уньвалову и щупаетъ у него за ушами).

Его же-Не-Переписьешъ (a parte). Нѣтъ, ничего, горячо еще... Страшно!

Восторговъ (съ ревнивою досадою).
Превзошелъ!

(Всѣ преклоняются предъ Унываловымъ. Онъ гордь. Табло. Антипъ Ведро съ внезап-
ною рѣшительностью, среди всеобщей ти-
шины).

Ант. Ведро. Тарась! скажи къ градо-
начальнику и проси прислать цѣлую бри-
гаду: тутъ эпидемія буйнаго помѣшатель-
ства!!!

(За сценою хоръ).

Слезъ довольно—прочъ печаль!
Пусть блистающая даль
Насъ научитъ правдой жить,
Съ вѣрой искренно любить!..

Унываловъ (въ священномъ упосе-
ніи). Вы слышите?

Восторговъ. О, чудные звуки!

Унываловъ. Сколько чувства!

Восторговъ. Какой высокій смыслъ!

Унываловъ. Верхъ поэзіи!

Восторговъ. Байронъ! Гете! Пий-
даръ! Мережковскій!

Унываловъ (à la Гамлетъ). По-
меньше Бальмонта...

Восторговъ (еще гамлетистѣе). По-
больше Фрута!

Унываловъ. Въ этомъ вальсѣ—все
наше будущее съ милою Фанею!

Восторговъ. О, да, Паня! Блистаю-
щая даль научитъ насъ жить правдою и
любить... ахъ, какое слово!

(Смотрятъ другъ на друга и потомъ, съ улыбкою сожалѣнія, оба говорятъ сразу а parte).

А этотъ-то! Туда-же!.. Ну—съ суконнымъ-ли рыломъ соваться въ калачный рядъ?.. Эхъ, ты! дѣвострадатель!

(Двери отверзаются; влетаетъ на радужныхъ крыльяхъ любви Конкордія Флавіановна со всѣми феями).

Хоръ.

Слезъ довольно—прочъ печаль!
Пусть блистающая даль
Насъ научить правдой жить,
Съ вѣрой искренно любить!..

(Столы мгновенно, по одному мановенію ока хозяйскаго, покрываются яствами и питіями. Его же-Не-Перепьешь дѣлаетъ крющонъ столь убійственнаго калибра, что Аня, Маня и Таня, намѣревавшіяся по списку дѣйствующихъ лицъ принять участіе въ пьесѣ, моментально впадаютъ въ безчувственное состояніе, ни къ какому дѣйствию неспособное, а Фаня и Паня становятся скорѣе похожими на оскорбленіе дѣйствиемъ, нежели на самое дѣйствіе. Антипъ Ведро, подъ предлогомъ поданія имъ первой помощи, выпиваетъ весь крющонъ, что низвергаетъ его на самое дно Нирваны).

Его же-Не-Перепьешь (глубокомысленно). Барометръ здраваго смысла падаетъ, температура страстей—на точкѣ кипѣнія.

М. де-Шандонъ (въ тоскѣ безсильныхъ воспоминаній). Нѣтъ, били мы этого банкира или онъ насъ билъ?

Восторговъ (колѣнопреклоненно). О, чудная Паня! Прими этотъ браслетъ—слабую дань восторга предъ твоими—никому, кромѣ меня, незамѣтными — совершенствами!

Унываловъ (такъ же). А этотъ — Фанѣ, въ знакъ моего совершенства... унынія!

Конкордія Флавіановна. О, какъ любятъ они другъ друга! Какъ пріятно видѣть это моему родительскому сердцу! Но, милые, зачѣмъ вы тратитесь? «Намъ не дорогъ вашъ подарокъ, дорога ваша любовь»!

Паня. Въ самомъ дѣлѣ, Аркадій, къ чему ты купилъ мнѣ такой браслетъ! Я не хочу быть тебѣ въ тягость, милый мой! Возьми его назадъ: ты сдѣлаешь мнѣ гораздо больше удовольствія, если вмѣсто этой огромной цацы купишь мнѣ маленькую-маленькую дачку.

Восторговъ (въ умиленіи). Вы слышали? Чудная! Какое безкорыстіе. Въ Петергофѣ прикажешь? или въ Церскомъ Селѣ?

Максимъ Переплюнь (въ забытьи, все еще мня себя понугаемъ). Что такое? Дур-ракъ!

Унываловъ (угрюмо). А моя взяла! О, неужель она корыстна?!

Андрей Недоплюнь (болѣзненно держится за голову). Цѣтъ, четыре угла, какъ есть четыре угла! Клавикордия Фортепі новна! Благословите насъ съ Паней (съ Фаней) на новую жизни!

Унываловъ и Восторговъ (колѣнопреклоняются).

Клавик. Форт. Дѣти мои! будьте счастливы! Сорокъ лѣтъ содержу я хоръ на Крестовскомъ, но еще впервые вижу столь истинно пьяныхъ... молодыхъ людей.

Унываловъ. Я бросаю службу: отгынѣ моей специальностью будетъ лишь ревизія сообщенія отъ Акваріума въ Крестовскій!

Восторговъ. Я поступлю въ хоръ и, если надо, выучусь водить медвѣдя, какъ Алеко!

Унываловъ (ехидно). Танцуешь медвѣдя ты уже весьма недурно!

Паня. Какой же вы калѣка? Что вы такъ себя обидите? Вы мужчина даже, какъ есть, совсѣмъ въ своемъ авантажѣ.

Восторговъ. О, наивность! Унываловъ, ты слышалъ? Алеко—калѣка. Ахъ, Грехтенъ тоже, навѣрное, говорила Фаусту «компроментировать» и «антриганъ».

Унываловъ (съ завистью). Дѣвострадатель, воздержись!

Ант. Ведро (который съ момента появленія хоровъ пребывалъ въ состояніи

глубокаго столбняка). Знаете что? Свяжите меня!

Его же-Не-Перепьешь (окинувъ его критическимъ окомъ). Рано!

Унываловъ и Восторговъ (ему же, сочувственно).

Положди немного:
Отдохнешь и ты!..

Ант. Ведро. Нѣтъ, свяжите! Я... я за себя не ручаюсь! Это—съ лона-го природы, да къ такой публикѣ?! Гдѣ живая собака? Дайте мнѣ живую собаку! Чѣмъ я хуже другихъ? И я готовъ скормить ее татуированному человѣку... всю, съ шерстью! Ъдемъ кататься на слонахъ, ѣсть уху изъ крокодиловъ, плести гирлянды, вѣнчать козла съ лягушкою, стрѣлять изъ револьверовъ и быть стрѣлянными, мазать горчицей и быть мазанными. Хочу, чтобы попугай училъ меня языку своему! «Дурракъ! что такое?... Что такое? Дурракъ!» Хочу четырехъ угловъ въ головѣ! Клавикордія! И я къ вамъ въ тенора! Мы дадимъ концертъ въ Павловскѣ, какъ сорокъ Фигнеровъ дать не могутъ, и я одинъ поѣду на семи паровозахъ...

Унываловъ (презрительно). Ты поѣдешь, а мы уже ѣздили!

Восторговъ (съ великолѣпіемъ). По экстренному заказу!

Ант. Ведро (въ припадкѣ полного сумасшествія). Торжество — такъ торже-

ство! валяй во всю! Звонен во всѣ колокола..
(сорока-медвѣжьимъ басомъ):

Слезъ довольно—прочъ печаль!
Пусть сверкающая даль

Хоръ (подхватываетъ):

Насъ научить съ правдой жить,
Съ вѣрой искренней любви!

(Адскій галопадъ страстей).

Тарасъ (врывается подобно Deus ex machina). Барины! Барины! Барины!

Всѣ. Что случилось?

Ант. Ведро. Или жена вдругорядь
родила?

Тарасъ. Барины! Ваши барыни при-
ѣхали!!!

(Страшный раскатъ грома. Клавикордія и феи расточаются, яко врази его; во всѣхъ дверяхъ показываются фигуры почтенныхъ петербурженокъ, съ дачъ приѣзжихъ; у каждой между бровями—везувійная молнія, а въ глазахъ—этвинское изверженіе: такъ вотъ, голубчики, каково вы безъ насъ поживаете?! Голубчики—какъ двѣвострадатели, такъ и шампаньолики—въ полномъ обалдѣніи. Большая пауза).

М. де-Шандонъ (одинъ, ничего не замѣчая, тоскливо). Нѣтъ, били мы этого банкира, или онъ насъ билъ?!

СКАЗКА *).

* (Сокращенная редакція „Сказки объ Иванѣ - мужикѣ и Петрѣ запорожскомъ - казакѣ“).

1.

Жили-были два мужика, родные братья, Иванъ и Петръ. Деревня ихъ была, хотя огромнѣйшая, но глухая и темная. Время стояло крѣпостное, лютое. Господа прожи-вали по столицамъ, либо на теплыхъ мо-ряхъ, на кислыхъ водахъ. А надъ мужика-ми верховодилъ управитель. И былъ онъ, какъ водится, нѣмецъ. И былъ правомъ звѣрь. Выла отъ него вся деревня, такъ что даже сосѣди удивлялись: какъ это господа не слышать, и почему они того извѣрга не прогоняютъ?

Собрались однажды мужики, всѣмъ опчествомъ, по тайну, на сходку, въ роцѣ, за деревнею, посовѣтоваться между собою, что же это, наконецъ, за жизнь ихъ стала, и какъ имъ вести ее впредь? И всѣ ругали и проклинали нѣмца. И всѣ, ругая и про-клиная, оглядывались другъ на друга: не предашь ли, братъ? И всѣ въ одинъ голосъ причитали:

— Ахъ, расподлецъ ты души своей, чортовъ нѣмецъ! Если-бы только наши добрые господа знали, каковъ ты, идоль, на свѣтѣ живешь!

А мужикъ Иванъ,—какъ былъ умнѣе прочихъ и, къ несчастію, будучи обученъ

дьячкомъ Кутейкинымъ грамотѣ, прибавилъ еще съ дерзновѣніемъ:

— Безпремѣнно надо намъ смиреннѣйше просить нашихъ добрыхъ господъ, чтобы они этого свирѣпаго нѣмца отъ насъ убрали и впредь бы никакихъ нѣмцевъ намъ не присылали, но пусть всемилостивѣйше разрѣшатъ намъ управляться бурмистрами изъ собственныхъ выборныхъ. Ибо всякій нѣмецъ есть басурманъ и челоувѣкъ пришлый, а мы люди земли.

Такъ смѣло говорилъ Иванъ, что сперва общество даже испугалось было. Но вмѣстѣ съ тѣмъ обществу мужественныя Ивановы слова ужасно какъ понравились и все общество принялось Ивана за справедливость его хвалить:

— Ухъ, голова у насъ Иванъ! Ухъ, умная голова! Отчаянная голова! Одно слово: Мининъ и Пожарскій, банка съ кинками,—вотъ какая голова.

Иванъ же, укрѣпляясь сочувствіемъ общества, продолжалъ:

— Главное теперь, чтобы почтительнѣйше и преданнѣйше довести это мудрое и законное ходатайство наше до свѣдѣнія нашихъ кроткихъ и справедливыхъ господъ. Ибо всѣ наши несчастія истекаютъ изъ того, что Богомъ данные господа наши никогда и ничему о нихъ не знаютъ. Когда же узнаютъ, то, несомнѣнно, не замедлятъ неудобства житія нашего прекратить и дадутъ намъ управляться, какъ мы сами того желаемъ. Тѣмъ болѣе, что, въ концѣ кон-

цовъ, это имъ же выгоднѣе—нашимъ добрымъ и великодушнымъ господамъ.

— Вѣрно!—возопила громада.—Молодчина Иванъ! Только бы довести до свѣдѣнія! Почтительнѣйше и смиреннѣйше! Не замедлятъ прекратить и учредить!

И лишь меньшей братъ Ивановъ, мужиченко Петръ,—бобыль опыта горькаго и жестокаго и характера скептическаго,—не вопилъ и не восторгался, но, вытянувъ впередъ руки, сложилъ персты свои въ двѣ адренныя дули и твердилъ:

— Чорта съ два! Вотъ что вы за почтеніе и смиреніе ваше получите! Держите карманъ шире, а то просыпете! Чорта съ два! Съ масломъ выкусите. Чорта съ два!

И еще «выразился»... въ стилѣ столь лапидарномъ, что даже бѣлыя березыньки покраснѣли, а, краснѣя, подумали:

— Есть же, прахъ его побери, выразительныя слова въ этомъ миломъ, славномъ, старомъ русскомъ языкѣ! А еще академія наукъ его реформировать собирается!

А сходка растерялась, и даже вольнолюбивый Иванъ, каковъ ни былъ Мирабо, замѣтилъ Петру съ укоризною:

— Какъ ты, братецъ, это такъ? Развѣ можно? Конечно, если хочешь... надо сознаться, съ одной стороны... Но съ другой стороны... такъ нельзя!!! Надо лойяльно!

Сидѣлъ тутъ за кустомъ въ оврагѣ Петровъ племянникъ, а Ивановъ сынъ, Егорка цѣловальникъ, продажная совѣсть, процентная душа. Все выслушалъ, и — къ нѣмцу.

— Такъ и такъ, — говоритъ, — имѣю честь лепортовать... Хоша оныя злодѣи, къ прискорбію моему, приходятся мнѣ тятеньки и дяденьки, одначе, коль скоро въ томъ есть моя прямая выгода, то—ежели, къ примѣру, тридцать серебрянниковъ... усердіе мое къ господамъ и вашей милости за- всегда превыше всего!

Нѣмецъ тридцать серебрянниковъ отсчиталь, а донесеніе Егоркино записаль въ книжку:

— Ладно!

И пошла переборка по опчеству: кого на конюшнѣ драть, кого въ дальнія деревни сослать, кого въ солдаты сдать, кого заточить въ темныя подвалы на хлѣбъ и на воду. Привели и Петра съ Иваномъ. Ивану нѣмецъ сказалъ:

— Ти! Поштительнѣйши и смиреннѣйши! Думаль на мнѣ шальфаться! О, зукниъ зыпъ!

И разложилъ.

Петру же отъ нѣмца и тѣхъ ласковыхъ словъ не было. Только зубами на него закричѣлъ, да возопилъ не своимъ голосомъ:

— Драть ферфлюхте каналья! Драть, драть и... драть!!!

2.

Выдрали Ивана и Петра и повезли на одной подводѣ въ ссылку, въ дальнюю деревню. Иванъ въ телѣгѣ на брюхѣ лежитъ, потому что сѣсть никакъ не можетъ, плачетъ:

— Какой произволь! Какое необразованіе!

Петръ,—тоже лежа на брюхѣ, по причинамъ отъ него независящимъ, — отказывается:

— Черти!

На каждомъ этапѣ Иванъ повѣствоваль жалостно, какъ нѣмецъ истязаль его, и даже показываль желающимъ свою избѣченную спину—и притомъ, правдивая Клію добавляеть: совершенно бесплатно! Тѣмъ не менѣе, сочувствіе получаль недостаточное. менѣе, сочувствіе получаль недостаточное. Люди слушали, смотрѣли, зѣвали и говорили:

— Это, братъ, мы давно знаемъ, что—которые люди крѣпостные, завсегда ихъ превосходиѣйше деруть... Самихъ, братъ, въ три кнута жарять: пробованные! Ты намъ покажи, что поновѣе, а спины то мы тебѣ, коли хопъ, еще и не такія объявимъ!

Петръ никому ничего не показываль, ничего не рассказываль; а только знай трясся въ телѣгѣ, лежа на животѣ, да бурчалъ себѣ подъ носъ:

— Черти!

И жили братья въ дальней голодной деревнѣ на голодномъ пайкѣ, и пасли свиней! и питались быліемъ. А въ промежуткахъ свинопасенія вели крамольные разговоры.

Иванъ восклицаль:

— E rit vi miuove! И, все-таки, она вертится! Главная штука—это: почтительнѣйше и смиреннѣйше привести налицхъ кроткихъ и справедливыхъ господъ къ созна-

вію, сколь намъ необходимо,
но, чтобы мы управлялись не посторонними
нѣмцами, но собственнымъ выборнымъ бур-
мистромъ!

Петръ же никакихъ мнѣній не выска-
зывалъ, но, какъ затвердѣлъ, такъ и про-
должалъ бурчать одно:

— Черти!

Такъ что Иванъ началъ даже обижаться:

— Что это, право, Петръ? Или у тебя
другихъ словъ нѣту?

Петръ задумчиво возражалъ:

— А и то, братъ, никакъ не осталось:
всѣ отшиблены.

— Черти да черти... Ужъ и не разобрать
иной разъ, кто это черти-то у тебя выхо-
дятъ!

— Всѣ... вообще... которые...

— Этакъ, пожалуй, и я у тебя скоро въ
чертяхъ окажусь?!

Петръ не отвѣчалъ, но въ глазахъ его,—
послѣ нѣмцевой порки, совершенно утра-
тившихъ способность быть зеркаломъ ду-
ши,—мелькали сомнительныя искорки,
какъ бы говорившія:

— А ты думалъ: въ ангелахъ?! Кишка
тонка!!!

По малому времени, дошедшая нѣмецъ-
управитель о свиданіяхъ Ивана съ Петромъ
и конверсаціяхъ ихнихъ и опять распоря-
дился, чтобы обихъ нещадно драть. И вы-
драли бѣднягу Ивана.—ужъ и не знаю, въ
какой разъ!—и съ спины, и съ брюха,—
самымъ подлымъ жестокимъ манеромъ. И
плакалъ, и вошелъ бѣдный Иванъ, такъ что

опять къ сосѣдямъ было слышно, и опять сосѣди жалѣли, качали головами и ахали:

— Ну, скажите, чего только съ этимъ несчастнымъ Иваномъ не дѣлаютъ? Прямо ужасно, какъ онъ сегодня кричитъ! очень, очень жаль, какъ отвратительно эти люди своимъ нѣмцемъ управляются...

Послѣ экзекуціи Иванъ, по обычаю, пошелъ искать гласности: прохожихъ останавливать и передъ каждымъ заголяться:

— Посмотрите, добрые люди, какое звѣрство: вѣдь меня высѣкли!

Прохожіе смотрѣли и соглашались:

— Дѣйствительно, высѣкли.

— Но вѣдь это же подлость!—возмутился Иванъ.

Прохожіе соглашались:

— Разумѣется, подлость!

— Но вѣдь такъ же жить нельзя?

Прохожіе признавали и то, что такъ жить нельзя. Но нѣкоторые прибавляли:

— Вотъ, мы и удивляемся, что вамъ еще въ охоту такъ жить, и зачѣмъ вы такъ живете?

Тогда Иванъ горько трясъ головою, стучалъ кулаками въ грудь, моргалъ слезными глазами и восклицалъ :

— Да! хорошо говорить!.. А попробовали бы вы... Плетью обуха не перешибешь... Вы нашихъ условій и нашей психологіи не знаете!

И, если не шелъ отъ потрясенной психологіи въ кабакъ, то переходилъ къ слѣдующему доброму человѣку—опять искать гласности и опять заголяться:

— Неправда ли, меня высѣкли?

— Да, очень видно, что высѣкли.

— Неправда ли, это подлость?

— Да, ужасная подлость.

— Неправда ли, такъ жить нельзя?

— Конечно, нельзя. И какъ вы только еще живете?

— Ага! Вотъ то то: вы нашей психологiи не понимаете!

Разъ двадцать въ день этакъ оголится и къ вечеру утѣшенъ спать ляжетъ: обрѣлъ гласность—исполнилъ гражданскій долъ!

3.

Покуда Иванъ-мужикъ, обходя добрыхъ людей, демонстрировалъ свое изсѣченное тѣло, Петръ распорядился собою нѣсколько иначе. Когда сотскій постучалъ подъ окномъ его избушки; что, молъ, иди, другъ Петра, на конюшню сѣчься,—Петръ съ кротостью отвѣчалъ:

— Слушаю. Какъ скоро, такъ сейчасъ!

Но затѣмъ выбрался черезъ другое окно во дворъ, со двора черезъ плетень—въ поле, съ поля—въ рощу, изъ рощи—въ темный лѣсъ... только Петруху и видѣли! И бѣжалъ Петръ, бѣжалъ, покуда очутился онъ въ вольной степи, у тѣхъ ли славныхъ, удалыхъ запорожскихъ казаковъ. И зажилъ онъ съ казаками въ ихъ Сѣчи вольнымъ казацкимъ бытомъ, а нѣмца-управителя только въ недобрыхъ снахъ видалъ и потомъ цѣлыми днями отилевывался. Тоже часто грезился ему и Иванъ-

мужикъ—и все грустный такой, все съ попреками.

— Ахъ, братъ ты мой Петръ! Любезный ты мой Петръ! На кого ты меня покинулъ? Для чего ты поддался духу любоначалія, своеволія и мятежа? Для чего оставилъ страждущую родину и удалился къ буйнымъ запорожскимъ казакамъ? Съкутъ меня бѣднягу, теперь одного одинешенька, и одинъ хожу я по міру показывать свою драгую спину. А—были бы мы, Петръ, вмѣстѣ,—драли бы насъ вмѣстѣ, и показывали бы мы вселенной двѣ драгяны спины, что для публики, самъ понимаешь, много чувствительнѣе. А ты не захотѣлъ! плоть свою возжалѣлъ!.. Эгоистъ ты, другъ Петръ! не любишь терпѣть... эгоистъ! торопыга! себялюбедъ!.. Ты сегодня потерпи, завтра потерпи, послѣзавтра потерпи, дедекъ за денькомъ, годъ за годкомъ, аяъ—глядь: терпѣлъ, терпѣлъ, да и дотерпѣлся...

— Чертъ ли тебя, двужилънаго, перетерпигь!—скажетъ Петръ и отъ злости даже проснется.

По нѣкоторомъ времени, началъ Иванъ Петру снится уже не столь слезный и мрачный, но скорѣе какъ бы радостный: руки въ боки,—оки въ потолоки,—и все хитро-хитро веселыми глазами подмигиваетъ.

— Неужели дотерпѣлся? — удивился Петръ.

А тугъ какъ разъ письмо отъ Ивана:

— Милый братъ, какъ есмь я отпущенъ господами въ градъ Кейвъ для поклоненія угодникамъ, то, при счастливомъ случаѣ.

желаю съ тобою видѣться, а домашнихъ новостей нашихъ имѣю тебѣ рассказать полную ротъ.

Обрадовался Петръ, что свидѣлся съ братомъ. А Иванъ предъ нимъ, и впрямь, какъ во снахъ было, гоголемъ ходить и ухъ какимъ молодчиною ухмыляется.

— Прежде всего,—говорить,—я, милый братъ, приглашаю тебя возвратиться въ нашу деревню, потому что у насъ теперь стоять другія времена. Старый управитель померъ. И теперь господу посадили намъ новаго управителя. И онъ даже не нѣмецъ, а только въ нѣмцы нанялся. Смирный-пресмирный, ласковый-разласковый.. добрѣйшей души господинъ и характера благороднѣйшаго!.. И все, за что намъ съ тобою намедни спину стегали,—теперь наплевать: всякому говорить разрѣшается!.. Ни розогъ, ни подвала, ни дальнихъ деревень—ничего!.. Не житье, а малина!.. Пойдемъ-ка, братъ, назадъ? а?

Посмотрѣлъ Петръ на Ивана, почесалъ въ затылкѣ и спрашиваетъ:

— А онъ у васъ безсмертный?

— Кто?

— Да новый управитель вашъ?

— Ну! Скажешь тоже! Кто смерти не подвластенъ? Единъ Богъ безсмертенъ. Всѣ помремъ,—и управитель помретъ.

Засмѣялся Петръ. Еще спрашиваетъ:

— А къ мѣсту своему онъ у васъ какъ—гвоздемъ прибить или винтомъ привинченъ?

— Господь съ тобою? Зачѣмъ?

— Зачѣмъ, чтобы его съ мѣста убрать не могли и посадить другого, а тотъ съ васъ остатныя шкуры спустить, которыя еще послѣ перваго нѣмца на тѣлѣ живутъ.

Покосился Иванъ съ неудовольствіемъ.

— Ужъ ты, Петръ, всегда! А, между прочимъ, напрасно. Ты, братъ Петръ, развратился сомнѣніями и утомился страхомъ. А истинно повторяю тебѣ: бояться совсѣмъ нечего, новый нѣмецъ—честный и добрый.

— И давай вамъ Богъ, ребята! Только вотъ и тебѣ мой совѣтъ: заключите вы съ нимъ, съ вашимъ добрымъ нѣмцемъ, такой довѣчный контрактъ, чтобы не могъ онъ, нѣмецъ вапъ, ни помереть, ни характера своего перемѣнить, ни отъ господъ мѣста лишиться.

Обидѣлся Иванъ.

— Зубоскалишь все, Петръ, нельзя съ тобою серьезно говорить. Развѣ такое мыслимо?

— А, ежели немислимо, то, стало быть, и весь этотъ твой разговоръ о добромъ нѣмцѣ—самый пустой. Брось! Былъ злой нѣмецъ,—померь; посадили нѣмца добраго,—помреть и онъ, либо смѣстятъ его: гадай, Иванъ, по пятницамъ, какого новаго чорта посадятъ. Пожалуй, хуже прежняго въ когти приметъ... Что, скажетъ, голубчики? что, чортовы куклы? отдохнули? жирами обросли? страхъ позабыли?

— Нѣтъ, ужъ это—дудки!—пріосанил-

ся Иванъ.—Этого больше пельзя. Этого мы надъ собою не позволимъ!

— Такъ-таки вотъ и не позволишь?

— Такъ-таки вотъ и не позволю!

Ничего не сказалъ Петръ, только прищурился на брата:

— Ой ли?!

.
.

Сильно сталъ не въ духъ Иванъ.

А Петръ его зудить:

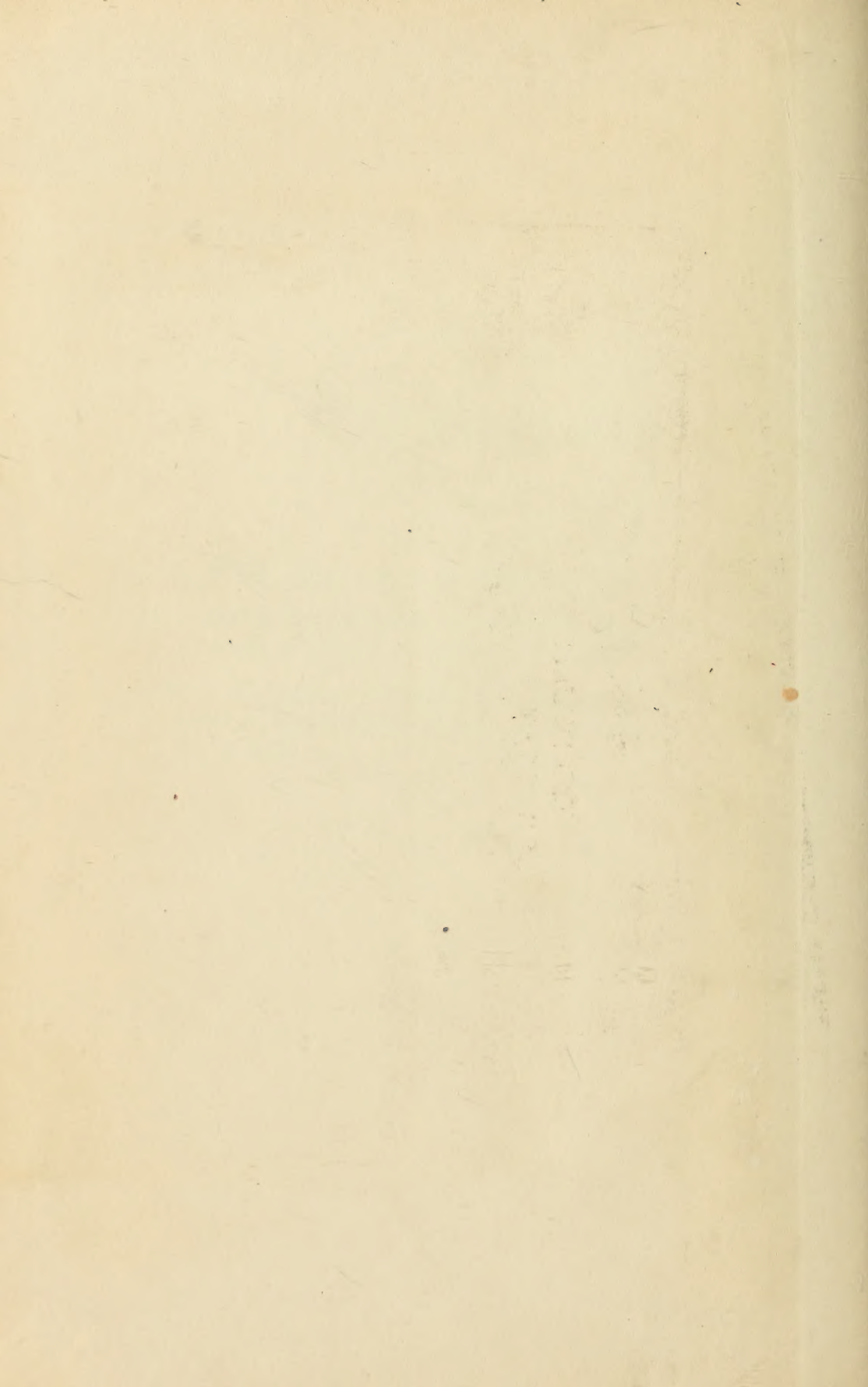
— Что домой зовешь, на томъ спасибо,— только незачѣмъ, не пойду: довольно моей спицы напрасно порото — порись, братъ, самъ, ежели еще втерпежь и не стыдно! Истинное тебѣ слово говорю, Иванъ: тоска мнѣ и смерть на чужбинѣ, хоть и воля кругомъ и рай земной. А назадъ, все-таки, не пойду. Потому что есть, Иванъ, нѣчто такое въ душѣ человѣческой, что ей даже и родины дороже,—и съ утратою того человѣкъ обращается либо въ скота, либо въ звѣря! Зовется оно, Иванъ, *человѣческимъ достоинствомъ*, и ужъ больно мудроно. Иванъ, слишкомъ тяжелый, мучительный, непрерывный подвигъ—сохранять его, живя въ вашей крѣпостной деревнѣ.

.
.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
БЕЗЪ УТРА. Разказъ И. И. Коталенко.	5
ПЕТЕРБУРГЪ НА ЛѢТНЕМЪ ПОЛОЖЕНІИ. Мораль-шаржъ въ 1-мъ дѣйствіи. А. В. Амфитеатрова.	60
СКАЗКА. Сокращенная редакція, „Сказки о Иванѣ-му- жикѣ и Петрѣ-запорожскомъ кавалерѣ“. Соч. А. В. Ам- фитеатрова.	81

LR
P8592be

491342
Potapenko, Ignaty Nikolaevich
Безъ нутра.
[Transliterated: Bez nutra]

University of Toronto
Library

DO NOT
REMOVE
THE
CARD
FROM
THIS
POCKET

